Б6 6/36

T 66/35

Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ

РУССКІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

1. Н. И. ПИРОГОВЪ, В. Острогорскаго.
2. К. Д. УШИНСКІЙ, его же.
3. Н. А. КОРФЪ, Д. Семенова.

Изданіе учебнаго магазина „Начальная Школа“ Е. Н. Тихомировой.

МОСКВА.

Типографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Рахмановскій пер., соб. домъ.

1887.

ИЗДАНІЯ УЧЕБНАГО МАГАЗИНА

„НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА".

Владиславлевъ В. Прот. *Изъ быта крестьянъ.* 1887 г., ц. 50 к.

Грековъ К. Г.—*Посѣвы*, книга для класснаго чтенія въ народ. школахъ. 1884 г. цѣна 75 к.

Горбовъ Н. М.—*Русская исторія* для народ. школъ. 1886 г., изд. 2-е, ц. 20 к.

Грузинцевъ К.—Жизнь и труды Н. М. Карамзина. 1886 г., ц. 15 к.

Егоровъ Ѳ. И.—Краткое руководство ариѳметики:

Выпускъ первый.—Задачи вычисленія и другія упражненія въ предѣлахъ первой сотни. Изд. 3-е, 1886 г., ц. 30 к.

„ „ *Выпускъ второй.*—Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 2-е, 1886 г., цѣна 30 к.

Выпускъ третій.—Задачи, вычисленія и другія упражненія на отвлеченныя и именованныя цѣлыя числа. 1886 г. Изд. 2-е, ц. 30 к.

„ „ *Методика ариѳметики*, съ приложеніемъ рѣшеній на задачи, помѣщенныя въ 1-мъ и 3-мъ выпускахъ крат. руков. ариѳмет. 1887 г., цѣна 75 к.

Зимницкій В. Г.—*Условія и пріемы объяснительнаго чтенія.* 1886 г. Изд. 4-е. цѣна 75 к.

Крыловъ В. А. Свящ.—*Сокращенная практическая славянская грамматика*, съ систематическими, славянскими и русскими, примѣрами, изборниками и словарями. 1886 г., ц. 60 к.

Элементарный курсъ Закона Божія:

„ „ *Первый годъ ученія.*—Молитвы на славянскомъ и рус. языкѣ, съ объясненіемъ ихъ и прибавленіемъ разсказовъ изъ жизни Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, и—Символа вѣры. Изд. 3-е, 1886 г., ц. 10 к.

„ „ *Второй годъ ученія.* — Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, съ приложеніемъ карты Палестины. Изд. 3-е, 1886 г., ц. 25 к.

„ „ *Третій годъ ученія.* — Символъ вѣры, десять заповѣдей и Церковное Богослуженіе. Изд. 2-е, 1886 г., ц. 20 к.

Кирпичниковъ А. И. — *Двѣ біографіи:* Жоржъ Зандъ и Гейне. 1887 г., ц. 40 к.

Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ.

Алексѣй Петровичъ
Бахрушинъ

РУССКІЕ

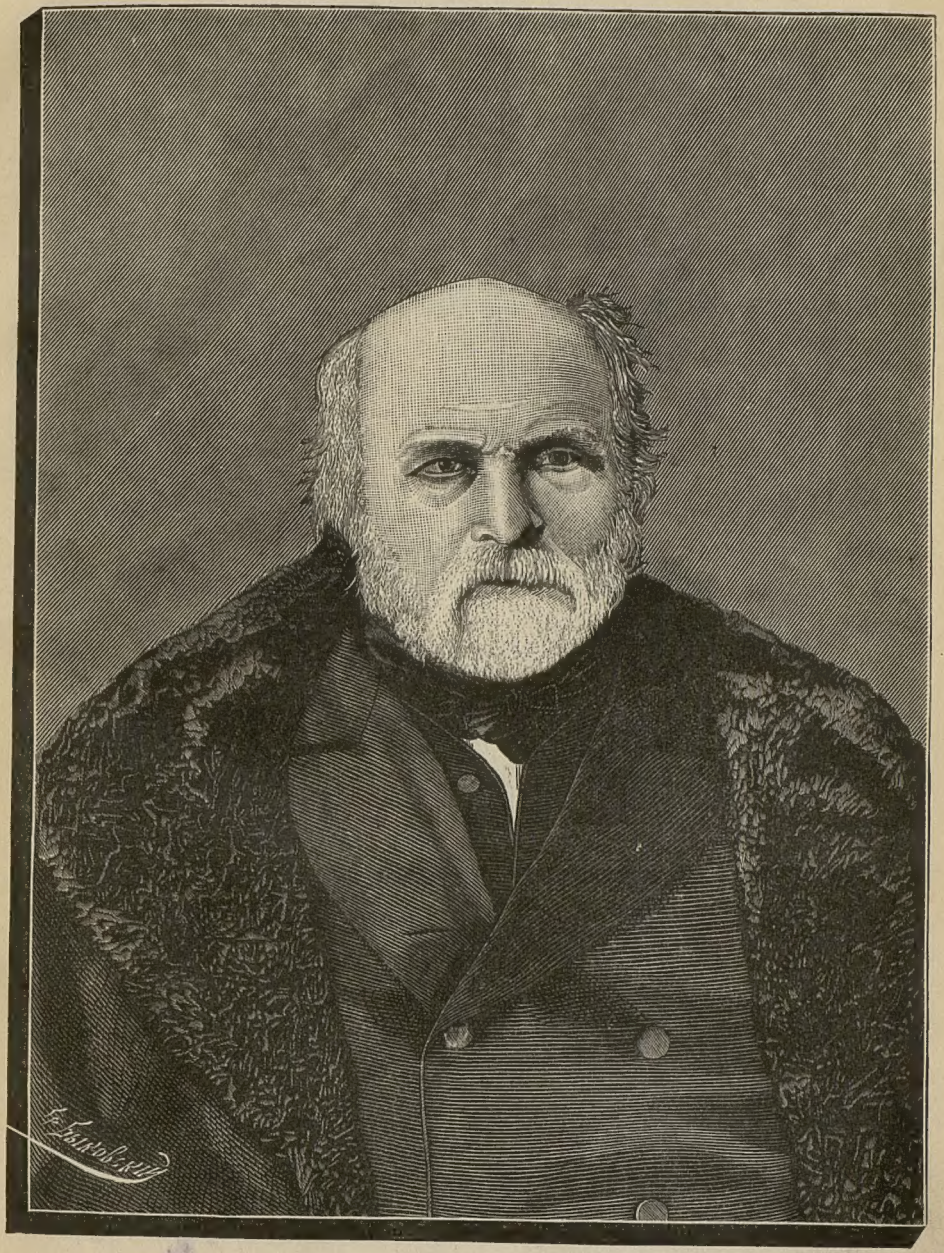
ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

1. Н. И. ПИРОГОВЪ, В. Острогорскаго.
2. К. Д. УШИНСКІЙ, его же.
3. Н. А. КОРФЪ, Д. Семенова.

Изданіе учебнаго магазина „Начальная Школа“ Е. Н. Тихомировой.

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Рахмановскій пер., соб. домъ.
1887.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
№ 291310
" " 193 г.



Николай Ивановичъ Пироговъ.

РУССКІЕ ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

I.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Плодотворный духъ твой, геніальныя мысли и правдивыя дѣла живутъ на землѣ и будутъ жить вѣчно, другъ правды и труда!

(Изъ надгробнаго слова Пирогову доктора Шкляревскаго).

Въ эпохи затишья умственной жизни и апатичнаго равнодушія къ безкорыстной дѣятельности на общую пользу отрадно обратиться къ воспоминаніямъ хорошаго прошлаго. И если изъ густого тумана забвенія выдѣлится передъ нами хотя нѣсколько образовъ благородныхъ дѣятелей, свѣтлыхъ умомъ и сильныхъ любовью къ родинѣ, на служеніе которой они всецѣло отдавались, какъ освѣжительно дѣйствуютъ на насъ эти образы; какъ своими примѣрами возбуждаютъ они въ насъ самихъ ослабѣвшую энергію; какіе поучительные уроки даетъ намъ ихъ жизнь со всѣми неизбѣжными для человѣка увлеченіями и ошибками! Къ такимъ образамъ, безспорно, принадлежитъ личность сошедшаго въ могилу три года назадъ великаго цѣлителя тѣла и воспитателя души, — личность незабвеннаго Николая Ивановича Пирогова. Посвятивъ цѣлые полвѣка неутомимому служенію родинѣ, онъ до глубокой старости сохранилъ ясность ума и удивительную теплоту души. Его автобіографическія записки *), начатыя за два года до смерти и продолжаемыя уже слабѣющей ру-

*) «Русская Старина» 1884 г. №№ IX, X, XI, XII; 1885 – I, II, III.

кой, карандашомъ, среди мучительныхъ физическихъ страданій, едва не до послѣдняго дня жизни, по глубинѣ и оригинальности мыслей, наблюденій и фактовъ, при необыкновенной искренности и теплотѣ чувства,—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, появлявшихся на русскомъ языкѣ въ послѣдніе годы. И если записки эти, возбудившія въ настоящее время вниманіе всей читающей Россіи, интересны и поучительны для всякаго, то тѣмъ болѣе значенія имѣютъ онѣ для педагога. Онъ найдетъ въ нихъ множество остроумныхъ замѣчаній о воспитаніи, начиная съ самаго малаго возраста, —то брошенныхъ вскользь, то развитыхъ въ цѣлыя разсужденія; множество самыхъ основныхъ вопросовъ жизни, какъ религія, совѣсть, самолюбіе, и т. п. Этими записками покойный достойно заключилъ свою благодѣтельную для человѣчества и родины семидесятилѣтнюю жизнь. Рѣдкій русскій дѣятель до этихъ лѣтъ сохраняетъ такую же ясность души, и, послѣ всѣхъ испытанныхъ горестей и разочарованій, сходитъ въ могилу съ такою же любовью къ жизни, къ молодому поколѣнію, съ такою же вѣрою въ силу науки и лучшее будущее своего отечества.

Этотъ-то свѣтлый образъ, преимущественно, *какъ педагога,* хотѣлось бы намъ воскресить передъ читателемъ, хотя бы въ *самыхъ общихъ* чертахъ, на основаніи немногихъ пока біографическихъ данныхъ.

Н. И. Пироговъ родился 13-го ноября 1810 г. въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ своего отца, казначея въ Московскомъ военно-провіантскомъ депо, занимавшагося также и частными дѣлами, человѣка достаточнаго, хозяйственнаго и гостепріимнаго. Родители горячо любили своихъ дѣтей, которыхъ было съ Николаемъ Ивановичемъ шестеро, и теплыя отношенія, господствовавшія въ семьѣ, поселили въ мальчикѣ привязан-

ность къ родному дому. Особенно страстно любилъ онъ мать, о которой такъ трогательно вспоминаетъ на семидесятомъ году жизни въ своихъ запискахъ. Домъ Пироговыхъ—у Троицы въ Сыромятникахъ, заново выстроенный послѣ пожара, былъ просторный и веселый, съ небольшимъ, но хорошенькимъ садомъ, съ цвѣтниками, дорожками, бесѣдочками, кеглями и всякими другими садовыми играми. Отецъ былъ большой любитель живописи и цвѣтовъ, и стѣны, печки и потолки были разукрашены фресками и рисунками какого-то доморощенаго живописца. Весело и правильно протекало дѣтство мальчика, всѣми любимаго и вполнѣ предоставленнаго своему естественному развитію. Грамотѣ выучился онъ шести лѣтъ, почти самоучкой, по каррикатурамъ на французовъ, изданнымъ въ видѣ картъ въ алфавитномъ порядкѣ. Эти каррикатуры, по собственному его признанію, отнюдь не развивъ любви къ насмѣшкѣ, вмѣстѣ съ часто слышимыми въ дѣтствѣ толками о французахъ, возбудили въ немъ любовь къ славѣ своего отечества, непобѣжденную впослѣдствіи даже и пребываніемъ въ Дерптѣ. «Не родись я, говоритъ въ своихъ запискахъ Пироговъ, въ эпоху русской славы и искренняго народнаго патріотизма, едва-ли бы изъ меня не вышелъ космополитъ; я такъ думаю потому, что у меня очень рано развилась, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ родинѣ, какая-то непреодолимая брезгливость къ національному хвастовству, ухарству и шовинизму». Ученье безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, не въ видѣ пугала, не было мальчику въ тягость, а чтеніе дѣтскихъ книгъ составляло для него истинное наслажденіе. Съ восторгомъ ждалъ онъ отъ отца подарковъ книгами съ картинками, въ родѣ «Зрѣлища вселенной», «Золотого зеркала для дѣтей» или «Эзоповыхъ басенъ»; но болѣе всего его занимало «Дѣтское Чтеніе» Карамзина. Объ этихъ книгахъ онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ черезъ шестьдесятъ

лѣтъ. Эффектъ чтенія всѣхъ другихъ книгъ, говоритъ онъ, не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое произвело на меня «Дѣтское Чтеніе», и подарокъ его намъ отцомъ въ Новый годъ я считаю лучшимъ въ моей жизни». Чтеніе, разсматриваніе картинокъ, особенно изображеній животныхъ, растеній, національныхъ типовъ, сценъ изъ войны 1812 года, собираніе и сушеніе растеній, вмѣстѣ съ добровольнымъ изученіемъ наизусть нѣсколькихъ басенъ Крылова,—тогда еще новинокъ, — да «Людмилы» и «Свѣтланы» Жуковскаго, наконецъ, слушаніе страшныхъ сказокъ и побасенокъ добрѣйшей, простой, очень любимой дѣтьми, няни,—вотъ и всѣ занятія мальчика, до девятилѣтняго возраста не удручаемаго никакою наукой. Изъ игръ особенно памятны ему двѣ: одна—въ войну, а другая—*въ лѣкаря*. О послѣдней стоитъ сказать подробнѣе, такъ какъ ею пророчески опредѣлилась великая будущность ребенка. Былъ боленъ упорнымъ ревматизмомъ его старшій братъ, и послѣ многихъ докторовъ родители пригласили профессора университета Е. О. Мухина, лучшаго московскаго врача. Благоговѣйныя приготовленія домашнихъ къ его пріему, самый пріѣздъ знаменитости, въ каретѣ четверней, съ ливрейнымъ лакеемъ, высокая фигура сѣдовласаго старца, необыкновенно быстрый и вѣрный діагнозъ больного, до того времени безпрерывно стонущаго, и особенно—полное выздоровленіе въ нѣсколько дней отъ какихъ-то корешковъ и ванны,—все это чрезвычайно подѣйствовало на воображеніе ребенка. Послѣ счастливаго излѣченія больного онъ попросилъ кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, и самъ, принявъ видъ и осанку доктора, преважно подошелъ къ мнимобольному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ о приготовленіи декокта, распрощался и вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ эта игра въ лѣкаря стала его любимою, и воображаемый врачъ перелѣчилъ всѣхъ домашнихъ,

въ томъ числѣ и кошку, прописывая рецепты и растолковывая, какъ принимать лѣкарства. «Счастливый успѣхъ лѣченія моего брата, сопровождаемый эффектною обстановкой, говоритъ Пироговъ, возбудилъ въ ребенкѣ глубокое уваженіе къ искусству, и съ этимъ уваженіемъ именно къ искусству я началъ впослѣдствіи уважать и науку». «Эта игра не была дѣтскимъ паясничаньемъ и плутовствомъ. Въ ней выражалось подражаніе уважаемому».

Ученье началось для Пирогова только по девятому году, когда къ нему взяли студента учителя, сначала университетскаго, а потомъ — другого, изъ Московской медико-хирургической академіи. Бойкій, не лѣнивый, любившій ученіе, мальчикъ въ два года выучился хорошо писать, четыремъ правиламъ ариѳметики да кое-что переводить изъ латинской и французской хрестоматій.

Какъ ни стѣснены были въ то время матеріальныя средства родителей, но они отдали его по двѣнадцатому году полупансіонеромъ въ частный пансіонъ Кряжева, пользовавшійся въ Москвѣ весьма порядочной репутаціей, и вполнѣ заслуженной. Это былъ человѣкъ умный, энергическій, справедливый и гуманный, весьма рѣдко прибѣгавшій въ то суровое школьное время къ розгѣ, очень солидно образованный, знавшій въ совершенствѣ новые языки, по которымъ даже издалъ учебники, умѣвшій отлично учить и хорошо декламировать. Не худые педагоги и хорошіе люди были также въ пансіонѣ и учителя исторіи, географіи, математики, плохо однако дававшейся мальчику, вовсе не имѣвшему математической жилки, а также — русскаго языка и словесности, въ которой, какъ и въ исторіи, онъ всегда былъ первымъ ученикомъ. По крайней мѣрѣ, уроки этихъ людей помнились Пирогову даже на семидесятомъ году жизни. Живое слово, вообще, оказывало на него съ самыхъ раннихъ лѣтъ сильное вліяніе, и вотъ какъ

трогательно вспоминаетъ онъ на старости объ учителѣ словесности, Войцеховичѣ. „У него я, ребенокъ двѣнадцати лѣтъ, занимался разборомъ одъ Державина, басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, стихотвореній Жуковскаго, Гнѣдича и Мерзлякова. О Пушкинѣ говорить въ то время въ школахъ не позволялось. Войцеховичъ умѣлъ отлично занимать насъ разсказами изъ древней и русской исторіи, заставляя насъ къ слѣдующему уроку написать, что слышали, и изложить свое мнѣніе о героѣ разсказа, его дѣйствіяхъ, характерѣ и т. п. Ни на одинъ урокъ я не шелъ такъ охотно, какъ въ классъ Войцеховича: въ немъ все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, нѣсколько сутуловатый, съ добрыми голубыми глазами, этотъ старинный кандидатъ Московскаго университета одушевлялся на урокѣ такъ, что одушевлялъ и насъ. На его же урокахъ познакомился я съ „Письмами русскаго путешественника“, только что вышедшею „Исторіей“ Карамзина и съ „Пантеономъ русской словесности“, и читалъ потомъ съ увлеченіемъ эти книги въ неклассное время. Всегда съ благодарностью вспоминаю я о педагогическихъ достоинствахъ нашего славнаго, добраго Войцеховича; но не могу вспомнить добромъ священника, преподававшаго, кромѣ закона Божія, еще и латинскій языкъ“. Если въ мальчикѣ осталось уваженіе къ религіи, то только благодаря вліянію семьи, въ особенности, матери. „Казалось, замѣчаетъ Пироговъ,—каждый учитель, прошедшій самъ школу, долженъ и по себѣ знать, какъ долго, на цѣлую жизнь нерѣдко, остаются къ памяти добрыя и худыя дѣла наставниковъ, а между тѣмъ, большей части наставниковъ отъ этого ни тепло, ни холодно, и такіе попы, какъ мой школьный учитель латыни, и теперь еще не рѣдкость“.

Изъ этихъ воспоминаній видно, что, не смотря на нѣкоторые весьма существенные недостатки, школа эта была

весьма хорошая, и,— что всего важнѣе,—поселившая любовь къ наукѣ и мѣсту своего воспитанія, причемъ богатыя способности ребенка не были задавлены непосильнымъ докучливымъ трудомъ. Но къ сожалѣнію, пробылъ онъ въ ней только два года. Благодаря крупной растратѣ казенныхъ денегъ, сдѣланной подчиненнымъ его отца, надъ семьей Пироговыхъ стряслась бѣда. Отцу пришлось восполнить растрату чуть не всѣмъ своимъ состояніемъ, выйти въ отставку и заняться частными дѣлами по имѣніямъ. Все это страшно на него подѣйствовало; прежняя энергія уже не возвращалась; онъ вошелъ въ долги, и въ перспективѣ грозила бѣдность; съ трудомъ хватало средствъ на образованіе сына, и мальчикъ долженъ былъ по-неволѣ оставить любимую школу.

Въ такомъ затруднительномъ обстоятельствѣ отецъ обратился за совѣтомъ къ Ефрему Осиповичу Мухину, уже поставившему на ноги одного сына: авось, поможетъ и другому. Этотъ человѣкъ былъ рѣшителемъ всей судьбы будущаго знаменитаго хирурга и педагога. Въ глазахъ семьи Пироговыхъ онъ былъ посланникомъ неба, въ глазахъ ребенка — благодѣтельнымъ волшебникомъ, чудесно исцѣлившимъ лютыя муки брата. Точно провидѣлъ онъ призваніе мальчика и, не смотря на почти дѣтскій, *четырнадцатилѣтній* (!), его возрастъ, прямо посовѣтовалъ подготовить его въ университетъ, обѣщавъ свое покровительство на экзаменѣ. И вотъ мальчика тотчасъ же берутъ изъ пансіона и приставляютъ къ нему, для приготовленія къ экзамену, какого-то кончавшаго медицинскій курсъ студента Ѳеоктистова, по словамъ Пирогова, — порядочную дубину, но все-таки къ экзамену подготовившаго. Еще наканунѣ выхода изъ пансіона будущій студентъ играетъ съ товарищами въ солдатики, рветъ сертукъ и раздаетъ въ дракѣ синяки... Что же это за феноменъ? „Знанія мои, говоритъ Пироговъ,—въ то время были менѣе, чѣмъ ограниченны для

моего возраста; вкусъ къ искусствамъ мало развитъ, только *любовь къ изящному слову и стиху* была сильна; съ другой стороны, остались неутраченными еще и дѣтская наивность, и дѣтская вѣра, и любовь къ знанію и труду". А наивность была такъ велика, что онъ съ наслажденіемъ продолжалъ слушать самыя фантастическія, часто глупыя, сказки крѣпостной солдатской дѣвки, жившей въ домѣ Пироговыхъ, и за все свое студенческое время въ Москвѣ оставался закадычнымъ другомъ своей няни—домашняго человѣка въ домѣ, существа, проникнутаго насквозь любовью къ вынянченнымъ ею дѣтямъ. Эта женщина, кажется, едва-ли не больше матери сердечно и поэтически повліяла на мальчика. Любовно и ласково останавливала она, безъ единаго браннаго слова, упрямство и шалость. Мораль ея была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила изъ любящей души: „Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого, грѣшно",—и ничего болѣе. Она же обращала вниманіе своего питомца и на природу, находя въ ней нравственные мотивы. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ вспоминаетъ Пироговъ, какъ разъ, стоя съ нимъ у открытаго окна во время грозы и смотря внизъ на разгулъ праздничной ярмарочной толпы у Андроньевскаго монастыря, она говоритъ ему, ребенку: „Вотъ, смотри! Народъ буянитъ, шумитъ, и не слышитъ, какъ Богъ грозитъ; тутъ шумъ да веселье людское, а тамъ, вверху, у Бога свое".

Будущій натуралистъ-врачъ уже чувствовался въ мальчикѣ и не въ одной *игрѣ въ лѣкаря*. Его занимаетъ и микроскопъ какаго-то старичка, вхожаго къ нимъ въ домъ, оспопрививателя екатерининскихъ временъ, и подаренный фельдшеромъ сборникъ съ описаніемъ растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ медицинѣ, изъ котораго онъ запоминаетъ множество научныхъ терминовъ; ему доставляетъ истинное наслажденіе

осмотръ медицинскихъ книгъ его учителя, и особенно каталога медицинскихъ лекцій.

Не слишкомъ строгъ былъ тогдашній университетскій вступительный экзаменъ, тѣмъ болѣе, при протекціи Мухина, декана медицинскаго факультета: мальчикъ, всего четырнадцати лѣтъ, оказался знающимъ еще гораздо болѣе, чѣмъ требовалось, и въ сентябрѣ 1824 года сдѣлался медицинскимъ студентомъ Московскаго университета.

Много нужно было имѣть Пирогову необычайныхъ природныхъ способностей и геніальности, чтобы, почти ребенкомъ, въ три года, проглотить всю тогдашнюю медицинскую премудрость, преподаваемую плохими профессорами, вдобавокъ по однѣмъ книжкамъ и запискамъ, почти безъ всякихъ опытовъ и демонстрацій, замѣнявшихся рисунками и атласами. Довольно сказать, что, за все свое трехлѣтнее пребываніе въ Московскомъ университетѣ, Пироговъ *не видѣлъ ни одного трупа*, не приготовилъ самъ ни одного анатомическаго препарата. Какъ могъ преодолѣть онъ всю эту науку, при такихъ условіяхъ,—науку, требующую усиленныхъ занятій,—и преодолѣть ее въ такомъ возрастѣ и при такихъ недостаткахъ матеріальныхъ (отецъ его вскорѣ умеръ, и семья разорилась совсѣмъ), терпя едва не нищету,—это тайна генія! Много нужно было имѣть мальчику и силъ душевныхъ, вынесенныхъ изъ семьи, въ которой за всѣ три года онъ жилъ, и изъ школы, чтобы не спиться, не развратиться, не спутаться въ конецъ въ такомъ мягкомъ возрастѣ, въ обществѣ казенно-коштныхъ студентовъ 10-го номера, гдѣ жилъ его учитель Ѳеоктистовъ, и гдѣ, по преимуществу, завязывались и поддерживались отношенія студента-ребенка къ товарищамъ. Но и въ этомъ обществѣ, разнокалиберномъ, грубомъ и циничномъ, сумѣлъ Пироговъ разсмотрѣть тѣ поэтическіе эле-

менты, которые и въ самой жалкой обстановкѣ бѣдности и казенщины чудеснымъ образомъ удерживаются въ учащейся молодежи и даютъ намъ, людямъ, умудреннымъ тяжкими опытами, право отличать наносное средой и неперебродившее отъ естественно-юношескаго, присущаго всѣмъ юношамъ, и симпатичнаго. Яркими чертами и тепло отмѣчаетъ Пироговъ студента Чистова, плохими латинскими стихами санктирующаго принадлежность ему именно казенной фуражки, несомнѣннаго поэта въ душѣ, плавно и съ увлеченіемъ читающаго лучшаго римскаго поэта Овидія. Этотъ Чистовъ своимъ чтеніемъ и бесѣдами научилъ нашего студента гораздо большему, чѣмъ научилъ его за все время приготовленія къ университету Ѳеоктистовъ. Отмѣтилъ Пироговъ и студента Катонова, хромого, блѣднаго, съ растрепанными волосами, по тогдашнему, *вольнодумца*, говорившаго, захлебываясь отъ волненія, восторженныя, неразумныя рѣчи. Великій почитатель Мочалова, неудовлетворяющійся даже либеральностью Пушкина въ его пресловутой «*Одѣ на вольность*», этотъ странный, подчасъ смѣшной, даже изступленный, но всегда искренній энтузіастъ, вносилъ въ воспріимчивую душу отрока-студента элементъ неизбѣжнаго въ юношѣ свободомыслія и восторженнаго служенія идеѣ общей, точно такъ же, какъ Чистовъ вносилъ въ него элементъ эстетическій. Эти элементы, вмѣстѣ съ свободною, хотя и легкомысленною, критикою профессорскихъ лекцій и слышанными отъ профессоровъ и вычитанными изъ книгъ новыми научными идеями, давали пищу общему благородному настроенію молодежи, не находившей достаточной пищи въ профессорскихъ лекціяхъ. «Десятый нумеръ,—говоритъ Пироговъ,—остался мнѣ памятнымъ навсегда не только потому, что воспоминаніе о немъ совпадаетъ у меня съ развитіемъ перваго въ жизни міровоззрѣнія, но и потому еще, что слышанное и видѣнное мною въ этомъ ну-

мерѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, служило мнѣ съ тѣхъ поръ всегда руководною нитью въ моихъ сужденіяхъ объ университетской молодежи». «Университетское воспитаніе молодежи,—говоритъ онъ далѣе,—предоставленное до 1824 года, почти исключительно, силамъ природы, едва-ли не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное». Юность перебродила, осѣлось прошлое, наносное, осталась натура, свое, культивированное наукою и отрезвленное опытомъ,—и одни сдѣлались тишайшими штабъ-лѣкарями, женатыми, игравшими довольно шибко въ карты, и отличными служаками въ госпиталѣ; а изъ тѣхъ, кто былъ болѣе одаренъ отъ природы, вышло не мало добрыхъ слугъ отечеству, честно послужившихъ ему въ осуществленіи благихъ реформъ Царя-Освободителя. Молодежь всегда бѣсится и должна перебѣситься по-своему;—такъ было во всѣхъ странахъ,—такъ должно быть и у насъ.

Но, не смотря на отсталость, казенщину и великій комизмъ чудаковъ профессоровъ, не смотря на пьянство и школьничество студентовъ, на поверхностное и легкомысленное трактованіе жизни энтузіастами десятаго нумера, остались у Пирогова отъ пребыванія въ Московскомъ университетѣ впечатлѣнія, глубоко врѣзавшіяся въ душу и давшія ей извѣстное направленіе на цѣлую жизнь. Такъ повліяли на него, напримѣръ, лекціи истиннаго жреца науки и благороднаго человѣка, европейскаго ученаго, профессора Лодера. Этотъ-то Лодеръ, кажется, и рѣшилъ призваніе, оканчивающаго университетскій курсъ, юноши.

Богъ знаетъ, какая будущность ожидала бы семнадцатилѣтняго лѣкаря, еслибы, на счастье его и Россіи, какъ разъ ко времени окончанія имъ курса въ Москвѣ, не подоспѣлъ извѣстный проектъ Паррота. Родомъ изъ Эльзаса, товарищъ

знаменитаго Кювье, Парротъ въ 1794 году пріѣхалъ въ Лифляндію, въ 1800 былъ назначенъ профессоромъ физики въ Дерптскомъ университетѣ, а въ 1826 сдѣланъ членомъ Петербургской академіи наукъ. Пользуясь особымъ расположеніемъ Императора Александра Перваго, къ которому всегда имѣлъ свободный доступъ, онъ, благодаря, особенно, назначенію министромъ народнаго просвѣщенія бывшаго попечителя Дерптскаго университета, князя Ливена, сталъ лично извѣстенъ и молодому Государю Николаю Павловичу, вознамѣрившемуся преобразовать въ государствѣ всю учебную часть, и представилъ ему свой проектъ. Существеннымъ пунктомъ этого проекта было подготовленіе въ Дерптскомъ университетѣ способнѣйшихъ русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ разныхъ университетахъ, для дальнѣйшихъ занятій наукою за границей. Въ это время упадка нашихъ университетовъ Дерптскій университетъ достигъ небывалой еще научной высоты. Число молодыхъ людей, посылаемыхъ для подготовки въ Дерптъ на два, или на три года, съ особою стипендіею въ 1,200 р. ассигнаціями и всѣми путевыми издержками, ограничивалось по всѣмъ факультетамъ двадцатью. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, они должны были отправиться на два года въ заграничные университеты, а затѣмъ прослужить извѣстное число лѣтъ профессорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Выборъ требовался очень строгій, и всѣ молодые люди должны были, еще до поѣздки въ Дерптъ, выдержать предварительное провѣрочное испытаніе въ Петербургской академіи наукъ.

Тотъ же добрый геній Пирогова, Е. О. Мухинъ, дѣлаетъ юношѣ предложеніе ѣхать, избравъ себѣ какую-нибудь спеціальность, и будущій великій хирургъ, ни разу не имѣвшій въ рукахъ ланцета, по какому-то необъяснимому внутреннему голосу, выбираетъ именно *хирургію*. Подвергли предваритель-

ному испытанію его легкія и дыхательное горло для опредѣленія необходимаго для профессора громкаго голоса, довольно поверхностно проэкзаменовали на лѣкаря, и въ маѣ 1827 года семеро московскихъ университантовъ, въ томъ числѣ Пироговъ и П. Г. Рѣдкинъ, прибыли въ Петербургъ, выдержали въ Академіи провѣрочное испытаніе и поѣхали въ Дерптъ. Тамъ Пироговъ помѣстился, вмѣстѣ съ двумя товарищами, въ заранѣе нанятой квартирѣ, противъ дома извѣстнаго профессора хирургіи Мойера, женатаго на племянницѣ поэта Жуковскаго и жившаго вдовцомъ съ своей маленькой дочкой отъ покойной жены и тещей, сестрой Жуковскаго, Екатериной Аѳанасьевной Протасовой, урожденной Буниной. Высокоталантливый операторъ-практикъ и теоретикъ, замѣчательнѣйшій музыкантъ и поклонникъ Бетховена, Мойеръ сразу замѣтилъ даровитаго юношу, и ввелъ его въ свое семейство, гдѣ молодой человѣкъ, за все время пребыванія своего въ Дерптѣ, находилъ истинно родственное расположеніе къ себѣ и заботливость и въ то же время эстетическій отдыхъ отъ научныхъ занятій. А занятій этихъ, особенно экспериментальныхъ, дотолѣ ему вовсе неизвѣстныхъ, было множество. Хирургіей же занялся онъ, наконецъ, до того спеціально, что одно время даже почти пересталъ посѣщать профессоровъ по другимъ предметамъ. Послали студентовъ въ Дерптъ на два или на три года; но пришлось пробыть тамъ цѣлыхъ пять, такъ какъ на 1830 году началась польская революція. Впрочемъ, едва-ли такой долгій періодъ дерптской науки, при молодости Пирогова, не оказался для него полезнымъ. Съ одной стороны, онъ вполнѣ овладѣлъ наукой, и теоретически и практически, такъ что могъ ѣхать за границу уже вполнѣ подготовленнымъ; съ другой — студенческая корпоративная жизнь, въ кругу товарищей, закалила и выровняла его характеръ и навсегда дала широту и симпатичную снисходитель-

ность взгляда на учащуюся молодежь, чѣмъ онъ такъ рѣзко отличался впослѣдствіи въ своей попечительской и литературно-педагогической дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долговременное пребываніе въ Дерптѣ уберегло Пирогова и отъ узко-національной исключительности, развивъ въ немъ болѣе широкое, независимое отношеніе къ европейской наукѣ. «Чѣмъ долѣе я оставался въ Дерптѣ,—пишетъ онъ:—чѣмъ болѣе знакомился съ нѣмцами и духомъ германской науки, тѣмъ болѣе учился уважать и цѣнить ихъ. Я остался русскимъ въ душѣ, сохранивъ и хорошія, и худыя свойства моей національности; но съ нѣмцами и съ культурнымъ духомъ нѣмецкой націи остался навсегда связаннымъ узами уваженія и благодарности, безъ всякаго пристрастія къ тому, что въ нѣмцѣ, дѣйствительно, нестерпимо для русскихъ».

Въ 1833 году, годъ спустя по выдержаніи блистательнаго экзамена на степень доктора медицины, Пироговъ отправился въ Берлинъ, а затѣмъ въ Геттингенъ, гдѣ съ необычайнымъ рвеніемъ посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ, такъ какъ въ распоряженіи его было всего два года. Обогащенный знаніями, съ самыми розовыми надеждами, спѣшилъ онъ на родину, гдѣ ожидала его высокая профессорская дѣятельность; но, на пути въ Россію, въ Ригѣ, тяжко заболѣлъ и долженъ былъ лечь въ рижскій военный госпиталь; каѳедра же въ Московскомъ университетѣ, предназначавшаяся ему, оказалась замѣщенной его университетскимъ товарищемъ. Дерптскій медицинскій факультетъ, справедливо считавшій Пирогова своею гордостью, не оставилъ своего великаго ученика, и, по предложенію ректора, тоже знаменитаго хирурга, Мойера, пригласилъ его, по выздоровленіи, занять въ Дерптѣ каѳедру хирургіи. Успѣхъ 26-лѣтняго профессора, русскаго, въ строго нѣмецкомъ университетѣ, былъ огромный: въ аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ собрались слушатели не только меди-

цинскаго, но и всѣхъ другихъ факультетовъ. Съ этого времени все больше и больше растетъ не только у насъ, но и за границей слава молодого ученаго, своими сочиненіями и геніальнѣйшими операціями сдѣлавшаго столько неоцѣненныхъ вкладовъ въ медицинскую науку. Вызванный въ 1840 году на каѳедру профессора хирургіи въ Петербургскую Медицинскую Академію, Пироговъ вноситъ и туда свѣтъ науки и неутомимую благотворную дѣятельность по части улучшеній гигіеническихъ условій Второго военно-сухопутнаго госпиталя и существовавшихъ тамъ порядковъ относительно ухода, и продовольствія больныхъ; а въ 1845 году устраиваетъ при Медикохирургической Академіи анатомическій институтъ и привозитъ изъ-за границы знаменитаго анатома Гребера. Оставляя многостороннюю дальнѣйшую дѣятельность Пирогова литературно-медицинскую и практическую, какъ оператора, спѣшимъ перейти къ его новой дѣятельности—педагогической.

Въ 1854 году покойная Великая Княгиня Елена Павловна и Государыня Императрица послали его въ Крымъ завѣдывать занятіями Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а также сформировать особую корпорацію врачей-хирурговъ въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Вернувшись въ 1856 году въ Петербургъ, Николай Ивановичъ, видѣвшій во время Крымской компаніи во очію все нравственное разложеніе русскаго общества, отъ врачеванія тѣла обращается къ великому вопросу воспитанія. Въ этомъ же году, въ № IX «Морского Сборника», появилась знаменитая статья его «*Вопросы жизни*», пропущенная цензурою только потому, что она была напечатана именно въ этомъ сборникѣ и съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича. Можно сказать смѣло, что съ этой, безсмертной въ исторіи нашего просвѣщенія, статьи начинается у насъ не только педагогическое, но

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР

и, вообще, умственное пробужденіе послѣ долгаго періода всеобщаго сна и апатіи. Статья эта была тѣмъ смѣло высказаннымъ словомъ, которое давно уже таилось у всѣхъ въ груди и теперь нашло себѣ яркое публичное выраженіе. Она охватила какимъ-то лихорадочнымъ восторгомъ рѣшительно всѣхъ. О ней шумно заговорили всюду: въ клубахъ, въ семьяхъ, гдѣ до того почти ничего не читали и ни о чемъ не говорили, въ высшемъ обществѣ, въ гимназіяхъ, въ приходскихъ училищахъ. Всѣ заговорили о воспитаніи, о нашихъ недостаткахъ и порокахъ, происходящихъ именно отъ отсутствія этого гуманнаго воспитанія. Книжки «Морского Сборника» читались на расхватъ, газеты и журналы перепечатывали изъ статьи большія выписки и восторженно хвалили ее. Слѣдомъ за Пироговымъ заговорило о воспитаніи множество голосовъ и въ столицахъ, и въ провинціи; уже въ слѣдующемъ, 1857 году, явилось сразу два педагогическихъ журнала: «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», Вышнеградскаго, и «Журналъ для воспитанія», г. Чумикова, а въ 1858 г.—прекрасный журналъ Г. Паульсона «Учитель», просуществовавшій почти цѣлыхъ десять лѣтъ. И всѣ эти спеціальные педагогическіе органы читались и обсуждались всюду съ самымъ живымъ интересомъ. Вмѣстѣ съ движеніемъ литературнымъ, подъ вліяніемъ близкаго освобожденія крестьянъ, началось педагогическое движеніе и на практикѣ: возникли по всей Россіи воскресныя и всякія иныя школы, безплатныя, по иниціативѣ частныхъ лицъ, завелись педагогическія собранія, основался въ Петербургѣ Комитетъ Грамотности; энергически взялось за школьную реформу и само правительство. Все это движеніе, такъ лихорадочно, единодушно охватившее всю Россію, зажившую такой, дотолѣ невиданной и неслыханной у насъ, праздничной жизнью,—движеніе, плоды котораго мы все болѣе и болѣе видимъ теперь въ распространеніи народнаго

образованія, обязано началомъ своимъ, въ смыслѣ даннаго обществу толчка, именно Николаю Ивановичу. Что же высказалось въ этихъ «Вопросахъ жизни» такого, что такъ расшевелило общество, заставивъ его безпристрастно оглянуться на себя самого? Мысли, высказанныя въ статьѣ, въ сущности, сводились къ слѣдующему. Воспитаніе наше—въ полномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Оканчивая курсъ въ школѣ, мы или должны отказаться отъ всего того, чему насъ учили, или же, сохранивъ пріобрѣтенное достояніе, стать противниками этого общества. Жертвовать святыми нравственными убѣжденіями—отвратительно; бороться?—гдѣ же взять силъ итти противъ всѣхъ? Да и не даетъ этихъ силъ воспитаніе, совершенно подавляющее личность. Воспитаніе не заботится вкоренить въ насъ высшія человѣческія убѣжденія: оно только дѣлаетъ насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, но не людьми. И дѣйствуютъ люди, какъ попало, увлекаемые теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, потому что не воспитанъ внутренній человѣкъ, не воспитаны въ немъ убѣжденія. А убѣжденія можетъ имѣть только тотъ, *кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, любитъ искренно правду, стоятъ за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ, какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками.* Говоря о необходимости воспитать человѣка вообще, Пироговъ первый у насъ такъ прямо и горячо заговорилъ въ этой же статьѣ о необходимости воспитать женщину, какъ радость человѣческой жизни, сопутницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей Самимъ Богомъ. Только одна эмансипація, въ смыслѣ истиннаго, человѣческаго, одинаковаго съ мужчиной, образованія, выведетъ женщину изъ положенія жалкой куклы и рабы, и сдѣлаетъ

изъ нея того зодчаго общества, которымъ она должна быть по праву. „Краеугольный камень кладется руками женщины. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины; пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи".

Такимъ образомъ, эта статья, положивъ у насъ основу великаго дѣла народнаго образованія въ общечеловѣческомъ смыслѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подымаетъ и великій вопросъ о воспитаніи женщины. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго новою литературною дѣятельностью Пирогова, бывшій Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, пригласилъ его въ 1857 г. занять мѣсто Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. Желая, по разстроенному здоровью, оставить занятія въ Медико-хирургической Академіи и переселиться на югъ, Николай Ивановичъ принялъ предложеніе. Первымъ дѣломъ его было представить проектъ о преобразованіи Одесскаго лицея въ Новороссійскій университетъ, и хотя дѣло и затянулось, но все-таки осуществилось впослѣдствіи. Въ Одесскомъ округѣ Пироговъ оставался недолго, и вскорѣ былъ переведенъ въ Кіевскій, гдѣ прослужилъ Попечителемъ до конца 1861 года и, оставивъ службу въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія, уѣхалъ въ свое имѣніе Вишня, Подольской губерніи, принявъ выборъ въ мировые посредники. Проходя молчаніемъ кратковременный періодъ его попечительства, для безпристрастной исторіи котораго еще не наступило время, упомянемъ о командированіи Пирогова въ 1862 году новымъ министромъ, А. В. Головнинымъ, за границу, на четыре года, для руководства молодыхъ людей, по-

сланныхъ отъ университетовъ съ цѣлью подготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ. Возвратившись въ 1866 году въ Россію, онъ снова уѣхалъ къ себѣ въ деревню, гдѣ прожилъ до 1870 года. Въ сентябрѣ этого года, въ самый разгаръ франко-прусской войны, «Общество Краснаго Креста» вызвало его снова въ Петербургъ для обсужденія разныхъ важныхъ вопросовъ по военно-санитарной части, и въ сентябрѣ же Николай Ивановичъ выѣхалъ на театръ войны, гдѣ, подвергаясь, не смотря на свои преклонныя лѣта и разстроенное здоровье, всевозможнымъ лишеніямъ, оказалъ, своими совѣтами и медицинскою помощью, цѣлой массѣ раненыхъ неоцѣненныя услуги страждущему человѣчеству, ставъ на вѣчныя времена истинною гордостью «Общенароднаго Общества Краснаго Креста». Не меньшею славой запечатлѣна и послѣдняя общественная дѣятельность покойнаго въ Восточную войну 1877 — 1878 гг., послѣ которой, разстроивъ свое здоровье, онъ окончательно поселился въ своемъ имѣніи, предавшись воспоминаніямъ своей многолѣтней, труженической, славной жизни, о которой онъ сталъ вести записки.

Ровно за полгода до смерти пришлось Николаю Ивановичу увидѣть во-очію публичное уваженіе къ своей пятидесятилѣтней учено-профессорской, общественной и государственной дѣятельности. 26-го мая 1881 года въ залѣ Московскаго Дворянскаго собранія многочисленныя и разнообразныя депутаціи съѣхались привѣтствовать великаго ученаго, педагога, гражданина и друга человѣчества съ днемъ его юбилея, а 23 ноября того же года Пирогова уже не стало. Онъ умеръ тихо и спокойно, вполнѣ сознавая неизбѣжность смерти, и самъ опредѣлилъ свою болѣзнь.

Медицина, которой принадлежала большая часть дѣятельности покойнаго, въ лицѣ его сподвижника по участію «Об-

щества Краснаго Креста» въ франко-прусской войнѣ, Г. В. Бертенсона, прекрасными статьями послѣдняго, передъ юбилеемъ, и посмертною, помѣщенными въ 1881 и 1882 гг. въ «Русской Старинѣ», опредѣлила заслуги покойнаго въ области хирургіи, части санитарной и медицинско-административной; будущій историкъ русскаго просвѣщенія подробно разберетъ и оцѣнитъ кратковременную плодотворную дѣятельность Пирогова по Министерству Народнаго Просвѣщенія, а также и тѣ условія, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать; мы же, въ заключеніе статьи, постараемся въ общихъ чертахъ напомнить читателямъ о его дѣятельности педагогическо-литературной. Почти вся она сводится къ двумъ небольшимъ сборникамъ: «Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова» (изданіе редакторовъ «Одесскаго Вѣстника». Одесса. 1858 г.) и «Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова», вышедшихъ въ управленіе его Кіевскимъ учебнымъ округомъ (1858—1861 гг.). Кіевъ. 1861 г. *). Большая часть этихъ статей написаны или по поводу вопросовъ, возникавшихъ у автора во время его попечительства, или же по поводу вообще возникавшихъ въ то время важнѣйшихъ воспитательныхъ вопросовъ. Внѣшняго един-

*) Вотъ списокъ статей обѣихъ книжекъ, къ сожалѣнію, уже почти вышедшихъ изъ продажи и требующихъ новаго изданія. Въ первомъ «Сборникѣ»: «Вопросы жизни», «Новоселье Ришельевскаго лицея», «Одесская Талмудъ-Тора», «Быть и казаться», «Нужно-ли сѣчь дѣтей и въ присутствіи другихъ дѣтей?» Во второй книжкѣ: «Быть и казаться», «О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій», «Школа и жизнь», «О цѣли литературныхъ бесѣдъ гимназій», «Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія», «Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній», «Отчеты о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназіи», «Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній», «Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ», «Рѣчи», сказанныя при разныхъ случаяхъ.

ства между всѣми этими статьями нѣтъ никакого, но зато связь внутренняя велика и опредѣленна. Всѣ эти статьи и статейки—порожденіе одного богатаго мыслящаго духа и одного глубоко искренняго стремленія посмотрѣть на дѣло воспитанія съ философской точки зрѣнія, указать на глубокую связь между воспитаніемъ и философскими науками, что, къ сожалѣнію, у насъ такъ часто забывается, и безъ чего немыслимы сколько-нибудь разумныя понятія о воспитаніи. Такъ взглянулъ на это воспитаніе у насъ Пироговъ едва-ли не первый, и въ этомъ починѣ его громаднѣйшая заслуга. Въ критическую эпоху послѣ Крымской кампаніи, когда у насъ, подъ внѣшнимъ формальнымъ лоскомъ, оказалась поразительная нравственная пустота, этотъ человѣкъ прозрѣлъ въ воспитаніи не вопросъ школьной дисциплины, дидактики или воспитанія физическаго, по глубочайшій вопросъ человѣческаго духа—*вопросъ жизни*. Во имя этого-то насущнаго вопроса Пироговъ потребовалъ отъ насъ опредѣленной цѣли и направленія воспитанія, другими словами,—поставилъ и разъяснилъ вопросъ о содержаніи понятія *воспитаніе*, которое, въ погонѣ за одной формальной стороной, совершенно это содержаніе игнорировало, и, наконецъ, дошло до абсурда. Какъ Лессинговскій Саладинъ въ «Наѳанѣ Мудромъ», онъ

Правды требуетъ, онъ хочетъ правды,
Притомъ наличной, ясной, какъ монета.

Подобно великимъ мудрецамъ, Шекспиру, Ньютону, Сократу, мыслившимъ о величайшихъ вопросахъ жизни съ евангельской, дѣтской простотой души, этотъ человѣкъ, на основаніи многолѣтняго опыта въ знаніи физической и духовной стороны людей, съ неподдѣльною искренностью взываетъ къ тому, чтобы мы воспитывали нашихъ дѣтей не для того только, чтобы *казаться*, а дѣйствительно *быть* людьми внутренно убѣжденными въ высокомъ и святомъ. Отсюда является онъ такимъ

открытымъ врагомъ всякихъ дѣтскихъ выставокъ, въ формѣ дѣтскихъ театровъ, баловъ, экзаменовъ и т. п., — врагомъ всякой лжи и притворства, дѣлающихъ изъ дѣтей іезуитовъ, какъ напримѣръ, учрежденіе въ школѣ взаимнаго надзора другъ за другомъ самихъ учениковъ (статья «Быть и казаться»). Приготовить человѣка на борьбу съ самимъ собою и жизнью, не навязываніе ребенку своихъ убѣжденій, своихъ идей, но пробужденіе въ немъ самомъ жажды этихъ честныхъ убѣжденій изъ любви къ нимъ, пробужденіе мужества къ оборонѣ убѣжденій какъ отъ собственныхъ низкихъ стремленій, такъ и отъ другихъ — вотъ воспитательный идеалъ автора («Вопросы жизни»). Эта внутренняя убѣжденность въ правотѣ своей вѣры, это проникновеніе гуманными принципами возбуждаютъ въ Пироговѣ глубокое уваженіе всюду, гдѣ бы они не являлись, и посѣщеніе еврейской школы Талмудъ-Тора вызываетъ въ немъ глубочайшее сочувствіе къ лучшимъ сторонамъ еврейской націи, въ которой онъ видитъ, по прекрасному своему выраженію, какое-то *безсознательное христіанство* («Одесская Талмудъ-Тора»). Развитіе гумманнаго, христіанскаго и современнаго европейскаго характера въ душѣ воспитанника, уваженіе къ своему собственному человѣческому достоинству, развитіе въ ребенкѣ чувства чести и самолюбія— вотъ какіе принципы руководятъ Пироговымъ и въ его статьяхъ, и въ кратковременной педагогической дѣятельности. Отсюда учрежденіе имъ въ Кіевскомъ округѣ *суда чести* подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи и съ участіемъ педагогическаго совѣта и изданіе особыхъ «Правилъ» для учениковъ, откровенно опубликованныхъ въ его извѣстныхъ «Циркулярахъ». Эти суды, вмѣстѣ съ правилами, совершенно уничтожили господствовавшій до того времени въ краѣ между учениками старшихъ классовъ варварскій самосудъ и послужили къ развитію истинныхъ понятій о достоинствѣ и чести между

учащимися. Регламентъ же наказаній въ одинъ годъ понизилъ огромную цыфру тѣлесныхъ и другихъ наказаній сразу на 90%, прекративъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, произволъ директоровъ и инспекторовъ. Самое же поднятіе значенія педагогическихъ совѣтовъ повело къ поднятію духовнаго уровня и во всемъ педагогическомъ персоналѣ. Какъ врачъ, Пироговъ и въ статьяхъ своихъ, и въ попечительской дѣятельности обратилъ также вниманіе и на различную индивидуальность дѣтей, требовалъ, чтобы воспитатели, внимательно слѣдя за ихъ склонностями и пороками, не преслѣдовали одно соблюденіе внѣшняго формализма, а напротивъ, прежде всего пріучали дѣтей къ откровенности, отстраняя все, что пріучаетъ ихъ къ притворству. Въ своихъ взглядахъ на воспитаніе онъ мало вѣрилъ въ могущество оффиціальныхъ надзирателей; главную надежду свою Пироговъ, самъ европейскій ученый, познавшій на самомъ себѣ всю пользу истинной науки, возлагалъ на *знаніе, науку*, дающую пищу уму, наполняющую человѣка содержаніемъ внутреннимъ и уваженіемъ къ безкорыстному служенію истинѣ. Эта наука, по мнѣнію Пирогова, въ рукахъ дѣльнаго учителя и *хорошаго человѣка*, есть единственное мощное средство въ школѣ и къ нравственному образованію. Отсюда такое постоянное требованіе, въ большей части его статей, поднятія именно этого образованія самихъ учащихъ, возвышенія личности педагога, наставника, который внушалъ бы уваженіе къ себѣ со стороны учениковъ, отсюда и обращеніе серьезнаго вниманія на, такъ называемыя, *литературныя бесѣды* въ старшихъ классахъ гимназій, чему онъ придавалъ значеніе очень серьезное, въ смыслѣ увеличенія въ ученикахъ интересовъ высшихъ, научныхъ, эстетическихъ, а также и сближенія учащихся съ учащими и разумнаго наполненія ученическаго досуга. — Словомъ, забота объ умственномъ и нравственномъ развитіи юношей, объ усиленіи въ нихъ самоува-

женія и духовныхъ интересовъ,—забота объ увеличеніи, если можно такъ выразиться, дѣтскаго и юношескаго счастія, довольства духовнаго — вотъ что составляетъ отличительную черту педагогической дѣятельности этого человѣка, до глубокой старости сохранившаго удивительную дѣтскую простоту высокой души и искреннюю любовь ко всему молодому, какъ залогу лучшаго будущаго родины.

Что касается системы воспитанія, то Пироговъ не былъ исключительнымъ сторонникомъ классицизма или реализма. Для него оба эти направленія одинаково пригодны для достиженія воспитательныхъ цѣлей. По его мнѣнію, всякій родъ занятій классическихъ и реальныхъ можетъ быть и вреденъ, и полезенъ, смотря по ихъ употребленію и примѣненію къ жизни и по искренности, знаніямъ и развитію самихъ учителей. „Наука и знаніе, говоритъ онъ, въ отношеніи ко вреду и пользѣ, безразличны; различны только условія жизни, склоняющія людей, съ тѣми или другими знаніями, въ ту или другую сторону“. Не былъ Пироговъ и особеннымъ сторонникомъ всякихъ подробныхъ программъ, указаній, разъясненій и регламентацій въ педагогикѣ, а также нарочито строгихъ экзаменовъ, на которые смотрѣлъ недовѣрчиво, какъ на выставку, мало дающую возможности провѣрить истинныя знанія ученика. Больше довѣрія и свободы преподавателямъ, въ выборѣ которыхъ все дѣло, ибо никакія программы и регламентаціи нигдѣ и никогда хорошихъ наставниковъ не создавали, да и дѣло-то педагогическое таково, что только истинно знающій свой предметъ учитель, искренно любящій его и дѣтей, можетъ съ успѣхомъ учить и вмѣстѣ воспитывать; больше вниманія къ личности ребенка или юноши, больше гуманной снисходительности къ ихъ естественнымъ увлеченіямъ и простительнымъ слабостямъ и ошибкамъ, больше откровенности, взаимнаго довѣрія и симпатіи между учащими и уча-

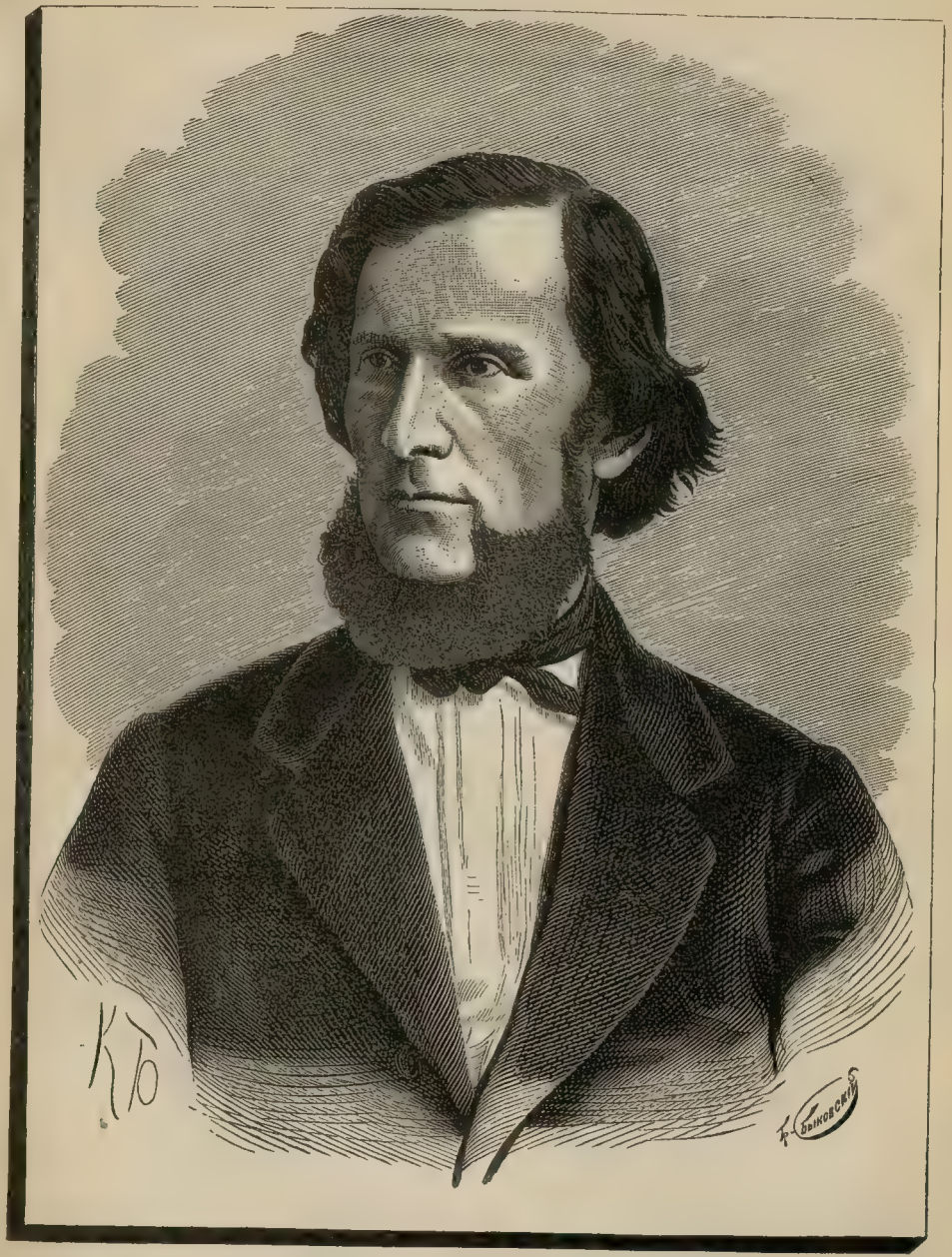
щимися—вотъ что завѣщалъ намъ и словомъ и дѣломъ Николай Ивановичъ Пироговъ, вотъ въ какую воспитательную, силу вѣрилъ онъ на основаніи познанія человѣческой натуры которую изучалъ онъ не по однѣмъ книгамъ. Этотъ человѣкъ жилъ много, много перечувствовалъ, много видѣлъ человѣческихъ страданій, наблюдалъ человѣка въ тѣ минуты, когда спадаетъ съ него всякая маска, всякій оттѣнокъ притворства и тщеславія. Этому человѣку можно вѣрить, потому что онъ былъ всегда, до послѣдней минуты своей жизни, однимъ и тѣмъ же и во всемъ, что онъ писалъ о воспитаніи, и во всемъ, что дѣлалъ на другихъ поприщахъ, куда звала его вѣчно дѣятельная душа. „Не грубый эгоизмъ руководилъ помышленіями и дѣлами этого человѣка, говорилъ въ своей юбилейной рѣчи докторъ Шкляревскій, а самопожертвованіе для общаго блага, забвеніе личныхъ выгодъ для безкорыстнаго служенія родинѣ и человѣчеству“.

Къ чему же сводится, въ концѣ концовъ, вся педагогическая дѣятельность Пирогова, о которой намъ хотѣлось напомнить читателямъ.

Какъ писатель, онъ первый прямо и ясно поставилъ у насъ въ литературѣ воспитаніе мужчины и женщины насущнымъ, настоятельнѣйшимъ *вопросомъ жизни*, и своими статьями, до сихъ поръ еще вполнѣ свѣжими и необходимыми для всякаго, кому дороги интересы русскаго воспитанія, способствовалъ общему движенію педагогическаго міра; какъ попечитель двухъ учебныхъ округовъ, не смотря на всю кратковременность своего управленія, онъ показалъ своимъ собственнымъ примѣромъ, какъ много добра можно сдѣлать на этомъ посту, даже среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, которыя теперь, черезъ четверть вѣка, значительно измѣнились къ лучшему, хотя бы въ смыслѣ большаго умственнаго уровня и педагогическаго персонала, и самаго общества. Онъ усилилъ и воз-

высилъ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, печатаніемъ циркуляровъ и отчетовъ, положилъ основаніе ихъ гласности, призвавъ къ тому же и другіе округа; энергически способствовалъ сознанію вреда розги, и въ какой-нибудь годъ вывелъ почти вовсе изъ округа ея употребленіе; развитіе большей гуманности въ обращеніи начальствующихъ и подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ, въ педагогическомъ мірѣ, въ значительной степени, — также его дѣло; цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ вопросовъ, начиная отъ школы низшей до университета включительно, была поднята и пущена въ ходъ опять-таки имъ же. Можно сказать, оглядываясь за четверть вѣка назадъ, что вся наша педагогическая дѣятельность, во всѣхъ лучшихъ ея сторонахъ, своимъ началомъ и направленіемъ обязана тому же Николаю Ивановичу Пирогову, имя котораго никогда не забудется русскою педагогіею, какъ не забудетъ его никогда и медицина. Великое значеніе Пирогова для общества было открыто признано многими рѣчами, сказанными въ 1881 году на его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ. Въ заключеніе приведемъ слова, сказанныя одной газетой по поводу этого юбилея. „Обществу, среди котораго такъ перепутались понятія о правдѣ, что ея приходится искать, полезно имѣть предъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды. Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея разысканію. Правда съ вѣками, и съ десятилѣтіями даже, мѣняетъ свой обликъ; но есть одна такая сфера, въ которой правда 1860-хъ годовъ остается такою же и въ 1880-хъ: эта сфера—воспитаніе. Будемъ же стараться, по завѣту юбиляра, дѣлать изъ дѣтей нашихъ прежде всего людей, въ чаяніи, что если они сдѣлаются хорошими людьми, людьми съ убѣжденіями, то все остальное приложится имъ“.

Викторъ Острогорскій.



Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

II.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Вносить жизнь всюду, гдѣ онъ прилагалъ свой трудъ,—вотъ свойство его личности.

(Стоюнинъ).

Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними.

(Надпись на надгробномъ памятникѣ Ушинскому).

Если Н. И. Пирогову принадлежитъ починъ въ дѣлѣ нашего семейнаго и общественнаго воспитанія, то К. Д. Ушинскій, которому до сихъ поръ еще не явилось у насъ ни одного достойнаго преемника, по всей справедливости, — пока единственный русскій философъ-педагогъ теоретикъ, внесшій своими многочисленными сочиненіями яркій свѣтъ въ наши темныя воспитательныя дебри. Уже пятнадцать лѣтъ прошло съ его преждевременной смерти; но его благотворный духъ невидимо живетъ среди насъ и въ семьѣ, гдѣ мать по *Родному Слову* и *Дѣтскому Міру* учитъ грамотѣ дѣтей; и въ школѣ, гдѣ учатся по этимъ же учебникамъ; и въ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ педагогическая антропологія, *Человѣкъ какъ предметъ воспитанія*, полагаетъ основу и направленіе педагогическому образованію учителя. Къ *Собранію* его же педагогическій сочиненій (СПб. 1875 г., 624 стр., ц. 3 р.) обратится всякій, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія,

и съ огромною для себя пользой перечтетъ эти прекрасныя страницы, полныя не только ума и широкаго знанія, но и проникнутыя благородною личностью автора, писавшаго о вопросахъ воспитательныхъ и нравственныхъ съ рѣдкой задушевностью и необыкновенно популярно. Изъ этой книги, которую мы, вмѣстѣ съ сочиненіями Н. И. Пирогова, особенно рекомендовали бы всякой русской женщинѣ, читатель проникнется убѣжденіемъ, столь часто забываемымъ въ наше *практическое, малоидейное* время, что все человѣческое воспитаніе, всѣ многочисленныя школьныя науки сводятся, въ сущности, только къ тому, чтобы юноша пріучился находить удовольствіе въ разумномъ трудѣ и наслажденія духовныя ставить выше тѣлесныхъ, духовныя достоинства—выше случайныхъ; идею любить больше, чѣмъ карты, вино и деньги, и что вліяніе гуманной личности воспитателя—самая большая воспитательная сила, которой не замѣнятъ никакія регламентаціи. Въ статьѣ *О пользѣ педагогической литературы*, помѣщенной въ началѣ книги, авторъ указываетъ, какъ поддерживаетъ эта литература учителей въ ихъ трудномъ дѣлѣ воспитанія, и какъ вырабатываетъ она само общественное мнѣніе; въ большомъ трактатѣ *О народности въ общественномъ воспитаніи*—рисуетъ блестящія характеристики воспитанія германскаго, англійскаго, французскаго и сѣверо-американскаго съ ихъ справедливой сравнительной оцѣнкой, и въ заключеніе возвращается къ своей любимой мысли, что „*воспитаніе общественное только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго*“. „Система общественнаго воспитанія, говоритъ авторъ, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была придумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготов-

лять техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества. Возбужденіе же общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть и множество общественныхъ заведеній".

Стараясь всячески возбудить въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ педагогическимъ, Ушинскій пишетъ горячую статью о *Школьной реформѣ въ Сѣверной Америкѣ*, гдѣ указываетъ на Америку, какъ на страну, именно благодаря этому общественному интересу, сумѣвшую такъ широко поставить у себя воспитательное дѣло. Отсюда понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ авторъ привѣтствуетъ освобожденіе крестьянъ *(5 марта 1861 года)*, открывшее широкій путь русскому образованію, и воскресныя школы *(Воскресныя школы—письмо въ провинцію)*. Какъ тепло разсказываетъ онъ о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ посѣщенія одной изъ такихъ школъ, указываетъ на громадное ихъ значеніе, какъ для скорѣйшаго образованія народныхъ массъ, такъ и для самихъ образованныхъ учителей, причемъ обращается съ горячимъ призывомъ къ русской женщинѣ, для которой находитъ въ участіи въ воскресныхъ школахъ самое приличное занятіе для христіанскаго воскресенья, и въ заключеніе предлагаетъ цѣлый планъ внѣшняго и внутренняго устройства такой школы.

Считая правильное устройство народныхъ школъ самою неотложною потребностью для Россіи, Ушинскій изъ своего заграничнаго путешествія пишетъ семь замѣчательныхъ писемъ подъ общимъ заглавіемъ: *Педагогическая поѣздка по Швейцаріи*, въ которыхъ подробно знакомитъ съ устройствомъ швейцарскихъ семинарій и народныхъ мужскихъ и женскихъ школъ, относясь къ нимъ критически, безъ всякаго пристра-

стія, а затѣмъ предлагаетъ и свой собственный *Проектъ учительской семинаріи*; послѣднюю же статью, помѣщенную въ Народной школѣ 1870 г., посвящаетъ все тому же, любимому вопросу. Статья эта—*Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ* — опять-таки призываетъ къ школьной дѣятельности само общество и требуетъ для нашей юной школы какъ можно больше широкой и разумной свободы, при полномъ довѣріи къ обществу со стороны самой администраціи. Не распространяясь обо всѣхъ этихъ статьяхъ, точно такъ-же какъ и о замѣчательныхъ небольшихъ трактатахъ — *Родное слово* и *О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи*, въ заключеніе нашего общаго указанія на интересъ и пользу сочиненій Ушинскаго и для настоящаго времени, позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на двѣ капитальныя статьи: *Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова*,— до сихъ поръ единственный по обстоятельности и серьезности разборъ литературно-педагогической дѣятельности великаго медика-педагога, и, особенно, на статью *Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи*. Эта горячая статья составляетъ какъ-бы profession de foi автора, и потому напомнимъ о главныхъ ея положеніяхъ подробнѣе.

Обращаясь въ началѣ статьи къ исторіи, авторъ замѣчаетъ, что въ Индіи, Испаніи, въ императорскомъ Римѣ, наконецъ, даже въ Южной Америкѣ и Европѣ, богатства дѣйствуютъ прямо разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастье общества, если только это общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска приливающаго богатства. Безчисленные примѣры изъ жизни и общественной, и частной—вполнѣ убѣждаютъ автора, что, хотя матеріальные плоды трудовъ и составляютъ человѣческое достояніе, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ че-

ла, имѣя ввиду развить человѣка духовно, должна непремѣнно не только развить человѣка умственно и дать ему извѣстный объемъ свѣдѣній, но и *зажечь въ юношѣ жажду серьезнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойною, ни счастливою.* А для того, чтобы человѣкъ искренно полюбилъ трудъ, прежде всего нужно внушить ему серьезный взглядъ на жизнь. Этотъ же взглядъ пріобрѣтется, по мнѣнію автора, только тогда, когда наша школа получитъ болѣе серьезную, основательную философскую подкладку со стороны самихъ воспитателей.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшія положенія этой статьи о трудѣ, въ которой особенно ярко отразилась личность нашего замѣчательнѣйшаго педагога. Такимъ истиннымъ *труженикомъ-мыслителемъ-идеалистомъ* былъ онъ и всю свою жизнь, и, благодаря именно своему идеализму, успѣлъ сдѣлать такъ много для дорогого ему дѣла образованія. Начиная нашъ краткій очеркъ о немъ указаніемъ на нѣкоторыя изъ его статей, мы хотѣли только напомнить, какое богатое сокровище, которымъ, къ сожалѣнію, такъ мало нынѣ пользуются, открываютъ читателю его сочиненія, и какъ часто слѣдовало бы обращаться къ нимъ всякому, кому дороги воспитательные и образовательные интересы родины.

Теперь переходимъ къ очерку жизни Ушинскаго, по необходимости, очень краткому, т.-к. не пришло еще время для его обстоятельной біографіи, да и фактовъ его жизни собрано очень мало. За исключеніемъ прекрасной брошюры г. Фролкова, „*К. Д. Ушинскій*“ (Спб. 1881 г. ц. 50 к.), которой пользовались мы по преимуществу, „*Очерка педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго*“, Люстрицкаго (Казань 1882 г.), брошюрки, изданной въ 1881 г. въ Тифлисѣ — „*Къ біографіи К. Д. Ушинскаго*“, да статьи А. В. Старчевскаго „*Мои воспоминанія о К. Д. Ушинскомъ*“ (Народная школа 1885 г., № 1), ка-

жется, за послѣднее десятилѣтіе, къ сожалѣнію, не появилось новыхъ матеріаловъ никакихъ. Не претендуя, такимъ образомъ, на оригинальность, намъ только хотѣлось въ нѣсколькихъ чертахъ напомнить читателямъ о личности нашего незабвеннаго педагога, о которомъ благодарныя его ученицы, сослуживцы и всѣ лица, близко его знавшія, хранятъ самое теплое, неизгладимое воспоминаніе.

Жизнь встрѣтила Константина Дмитріевича Ушинскаго ласково. Ни бѣдности, ни домашнихъ дрязгъ, ни строгихъ наказаній, не видѣлъ онъ въ дѣтствѣ, о которомъ впослѣдствіи всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ. Родился онъ въ Тулѣ, въ 1824 году. Родители его были люди хорошіе, образованные и достаточные. Отецъ, получившій воспитаніе въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, едвали, не лучшемъ тогда русскомъ учебномъ заведеніи, служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ войнѣ 1812 года, но потомъ вышелъ въ отставку и поступилъ уѣзднымъ судьей въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Черниговской губерніи, гдѣ и жилъ постоянно въ своей подгородной деревнѣ, въ барскомъ домѣ, съ прекрасной библіотекой, съ обширнымъ дворомъ и съ обширнымъ садомъ, съ великолѣпнымъ видомъ на рѣку Десну. Это былъ человѣкъ безусловно честный, всѣми въ городѣ любимый и уважаемый. Мать Константина Дмитріевича, какъ и мужъ, принадлежали къ старому малороссійскому дворянскому роду. Подъ ея исключительными попеченіями получилъ мальчикъ первоначальное домашнее воспитаніе и сохранилъ о ней на всю жизнь самое теплое воспоминаніе. Тамъ-то, въ этомъ родительскомъ домѣ, и слѣдуетъ искать начала той глубокой вѣры въ благотворность вліянія на ребенка семьи, которая впослѣдствіи полагалась имъ основою настоящаго воспитанія. Въ своей же хорошей семьѣ (дурныхъ, повидимому, приходилось видѣть ему мало), вѣроятно, и получилось имъ то,

ловѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастія. Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи:—она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ матеріальныхъ богатствъ, погубилъ многія государства, вырождаетъ сословія, уничтожаетъ роды и лишаетъ нравственности и счастія многія тысячи людей. „Такое значеніе труда коренится въ его психологической основѣ. Трудъ, говоритъ авторъ, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для той или другой истинно-человѣческой цѣли. Отдѣляя истинный трудъ отъ работы изъ-подъ палки, работы вынужденной, но не сознанной, въ смыслѣ ея неотложной, разумной необходимости, отъ стараній капиталиста пріумножить себѣ на потребу свой капиталъ, отъ дѣятельности надувающаго покупателя купца, отъ всякихъ нарочно придуманныхъ отъ скуки заботъ и работъ, авторъ замѣчаетъ, что „трудъ не игра и не забава; онъ всегда серьезенъ и тяжелъ; только полное сознаніе необходимости достичь той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить человѣка взять на себя ту тяжесть, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда“. „Этотъ-то истинный, и непремѣнно свободный, трудъ и имѣетъ самое большое значеніе въ жизни человѣка, которая безъ него теряетъ всю свою цѣну и достоинство. Онъ-то и составляетъ необходимое условіе и для развитія, и для поддержки своего, уже достигнутаго, достоинства. Безъ такого личнаго труда человѣкъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на мѣ-

стѣ; но долженъ итти назадъ". Придавая труду такое значеніе по отношенію ко всякому отдѣльному лицу, авторъ подробно останавливается на жизни семейной, и отсутствіе этого же труда ставитъ главнѣйшею причиной семейныхъ несогласій и частой скоропроходимости, повидимому, такого безоблачнаго счастія браковъ по страстной любви; трудъ, по мнѣнію автора, есть единственное, доступное человѣку и достойное его счастіе. И вотъ для того, чтобы приготовить ему это стастье, Ушинскій самой основной задачей воспитанія считаетъ приготовленіе къ такому разумному, удовлетворяющему душу труду. „И чѣмъ богаче человѣкъ, говоритъ онъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать себѣ трудъ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни".

Обращаясь къ современному воспитанію, авторъ находитъ, что оно, напротивъ, особенно въ достаточныхъ классахъ, направлено къ тому, чтобы, по возможности, обезпечить человѣку праздность и наслажденія матеріальныя, и въ этомъ совершенно справедливо видитъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ печальнаго нравственнаго состоянія нашего общества. „Меркантильное направленіе нашего вѣка, говоритъ онъ, проникло даже въ науку и въ школу. Такъ называемыя, humaniora, науки философскія и историческія, замѣтно уступаютъ мѣсто наукамъ промышленнымъ. А если промышленность будетъ вести за собою науку, то по чьимъ же слѣдамъ будетъ итти сама промышленность, и куда она приведетъ человѣка"? „Вотъ почему школа, позабывшая изреченіе Спасителя,—не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ,—и приготовляющая человѣка только къ матеріальной жизни, какъ бы утонченна она ни была, и сколько бы ни требовалось для нея познаній,—не выполняетъ своего назначенія". Поэтому шко-

новгородъ-сѣверскихъ гимназистовъ, природы, привольныхъ товарищескихъ прогулокъ, Ушинскій такъ заключаетъ свои воспоминанія: «Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, вокругъ—желѣзо и камень, камень и желѣзо, даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно-закрытаго неба, внутри то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность; повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка, — все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей». Въ гимназіи, кромѣ общаго уваженія къ наукѣ, благодаря сношенію съ товарищами, развился въ Ушинскомъ еще и тотъ особый демократическій духъ всесословности, который обратилъ впослѣдствіи его вниманіе на народную школу. Юный балованный барчукъ, провинціальный аристократъ, ежедневно посѣщавшій гимназію, отстоявшую отъ его дома на четыре версты, нерѣдко захаживалъ въ бѣдныя квартирки товарищей, дѣлилъ съ ними подчасъ ихъ скудный завтракъ и, съ дѣтства знакомясь съ тѣмъ, какъ живутъ бѣдные люди, выучился цѣнить въ нихъ людей, независимо отъ ихъ происхожденія и состоянія. Что касается занятій уроками, Ушинскій готовилъ ихъ рѣдко, и изъ знаній, вынесенныхъ имъ изъ гимназіи, выдается только одно основательное знаніе нѣмецкаго языка, которому выучился онъ уже въ четырнадцать лѣтъ такъ, что могъ понимать Шиллера. Этотъ-то Шиллеръ, вмѣстѣ съ другими иностранными писателями, при врожденной въ юношѣ нѣкоторой меланхоліи, еще болѣе способствовалъ развитію въ немъ мечтательности и благороднаго идеализма, впослѣдствіи подвигнувшаго его такъ энергически на педагогическую дѣятельность. Та же мечтательность, при всей даровитости, кажется, и помѣшала ему получить аттестатъ въ гимназіи, такъ что шестнадцатилѣтнему Ушинско-

му пришлось въ 1840 г. держать экзаменъ прямо въ Московскій университетъ, куда онъ и поступилъ на юридическій факультетъ.

Университетскій періодъ (1840—1844 г.) еще гораздо болѣе, чѣмъ гимназія, оказался благопріятенъ для Ушинскаго, какъ въ смыслѣ образовательномъ, такъ и въ смыслѣ развитія благородно-идеальнаго философскаго настроенія, которое рѣзко отличаетъ этого дѣятеля среди русскихъ педагоговъ. Послѣ измѣненія университетскаго устава въ тридцатыхъ годахъ и обновленія состава профессоровъ, при просвѣщенномъ попечителѣ, графѣ С. Г. Строгановѣ, Московскій университетъ того времени переживалъ, едва ли, не самый блестящій періодъ. Большая часть этихъ профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, возвратившіеся изъ Германіи съ богатымъ философскимъ запасомъ знаній, горячо любящіе науку и глубоко вѣрившіе, что только одна она, эта наука, можетъ водворить на землѣ счастье. Среди нихъ особенно выдавались Грановскій, поселившій въ Ушинскомъ любовь къ исторіи, очень серьезно послѣднимъ изученной, и болѣе всѣхъ, по своему огромному вліянію на студентовъ, читавшій энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право, П. Г. Рѣдкинъ, на увлекательныя лекціи котораго стекались студенты всѣхъ факультетовъ, даже медики и математики. Значеніе этихъ лекцій было тѣмъ благотворнѣе, что большую часть курса онъ посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія коей немыслима никакая серьезная наука. А такъ какъ въ то время философія у насъ въ университетахъ не читалась вовсе, и даже логика и психологія, привязанныя къ курсу богословія, преподавались очень поверхностно законоучителемъ, то лекціи П. Г. Рѣдкина, можно сказать, были для студентовъ единственнымъ средствомъ сколько нибудь расширить и обобщить

нѣсколько розовое, идеальное, отношеніе и къ русской семьѣ вообще, которое проглядываетъ въ его статьѣ „*О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи*, гдѣ онъ, въ увлеченіи, считаетъ русскую семью даже лучше англійской (*Собр. педаг. соч.*, стр. 262). Тамъ же развилась въ немъ и любовь къ народу, деревнѣ, природѣ, и вообще, то поэтическое настроеніе, которое заставило его впослѣдствіи высказать, что „прекрасный ландшафтъ, окружающій ребенка и юношу, имѣетъ огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души". Въ 1835 году мать его умерла; отецъ вскорѣ женился во второй разъ, и мальчика отдали въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, прямо въ третій классъ. Судьба и тутъ ему улыбнулась. Гимназія оказалась одною изъ лучшихъ, имѣя директоромъ извѣстнаго стараго профессора, Ивана Ѳедоровича Тимковскаго, по словамъ біографа Ушинскаго, г. Фролкова, «*страстно любившаго науку и соединявшаго въ себѣ юношескія стремленія съ глубокими религіозными убѣжденіями*». Этотъ-то педагогъ-классикъ, сумѣвшій чтеніемъ Библіи и разумнымъ изученіемъ Горація, Виргилія, Тицита и Цицерона достичь самаго главнаго въ воспитаніи — вселить въ ученикахъ благоговѣйное уваженіе къ наукѣ и высокое религіозное чувство, на всю жизнь оставилъ въ душѣ своего воспитанника *высокое* понятіе объ истинномъ педагогѣ, присутствіе котораго въ школѣ Ушинскій всегда считалъ дѣломъ первой необходимости, безъ коей воспитаніе немыслимо. Благодаря этому-то руководителю, ученикамъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи если и не давалось особенно обширныхъ знаній, но зато внушалось какое-то благоговѣйное уваженіе къ наукѣ, и не только къ ея ученымъ представителямъ, но даже и къ тѣмъ изъ товарищей, которые съ любовью занимались хоть-какой нибудь одной наукой: — «такихъ учениковъ уважали не только ихъ товарищи, но даже и малыши приготовительнаго, по тогдаш-

нему, *первѣйшаго* класса». Этотъ духъ товарищества, при извѣстной свободѣ, предоставляемой гимназистамъ, которые всѣ, числомъ до 400, жили по частнымъ квартирамъ,—духъ, поддерживаемый любовью къ гимназіи, своему директору и учителямъ, общія прогулки, чтеніе и бесѣды по кружкамъ немало способствовали также развитію добраго настроенія будущаго педагога, придававшаго большое воспитательное значеніе развитію его въ школѣ. «Ознакомившись впослѣдствіи со многими учебными заведеніями, говоритъ г. Фролковъ, Ушинскій высоко ставилъ свою гимназію, недостатки которой ему хорошо были извѣстны, и вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ сочиненій: «Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ, не смотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, считаются чинами и породами своихъ родныхъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчаются молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, — кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ.... о! тогда я по достоинству оцѣнилъ и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ *университетъ*». Говоря о благодѣтельномъ вліяніи на нихъ,

статочно, и вотъ, съ 1852 г., мы видимъ будущаго педагога неутомимымъ сотрудникомъ-чернорабочимъ сначала въ «*Современникѣ*», а потомъ, съ 1854, и въ «*Библіотекѣ для Чтенія*». Масса срочной работы, переводной, компилятивной и критической, вдобавокъ еще плохо оплачиваемой, едва въ конецъ не разстроила и безъ того слабаго его здоровья; но, къ счастью, случай толкнулъ Ушинскаго на настоящую дорогу, по которой и пошелъ онъ съ неутомимою энергіей, неуклонно, съ 1855 г., до самой своей смерти (1870),—такъ что его педагогическая дѣятельность, доставившая ему вѣчное почтенное имя, непрерывно продолжалась не болѣе пятнадцати лѣтъ.

Въ 1855 году, по рекомендаціи его бывшаго начальника по лицею, П. В. Голохвастова, теперь директора Гатчинскаго Сиротскаго института, Почетный опекунъ послѣдняго, графъ Ланской, знавшій лично Ушинскаго, назначилъ Константина Дмитріевича сначала преподавателемъ словесности, а вскорѣ затѣмъ, и инспекторомъ классовъ института. Здѣсь-то, обезпеченный матеріально, Ушинскій ревностно принимается за исполненіе новой для себя обязанности руководителя огромнаго заведенія, представлявшаго цѣлую систему школъ, начиная съ дѣтскихъ начальныхъ, до высшихъ классовъ съ курсомъ законовѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и за изученіе педагогической литературы отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Три обстоятельства,—какъ разсказываютъ его біографы—гг. Рехневскій, Старчевскій и Стоюнинъ—окончательно рѣшили его педагогическое призваніе. Прежде всего, конечно, на него повліяло время послѣ Крымской войны, когда все общество, по иниціативѣ Н. И. Пирогова, съ лихорадочною страстностью обратилось къ критикѣ современнаго воспитанія, воспитательные вопросы обсуждались въ семьяхъ и обществахъ, и само правительство обратилось къ воспитательной реформѣ и стало

искать людей, способныхъ къ ея осуществленію. Такой человѣкъ, нервно воспріимчивый ко всему, въ чемъ проявлялись насущныя потребности жизни, не могъ остаться равнодушенъ къ современному общественному движенію. Второе обстоятельство, по словамъ А. В. Старчевскаго, было вотъ какое. Еще лѣтомъ 1855 г., будучи редакторомъ *„Библіотеки для Чтенія“*, г. Старчевскій нашелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ англійскаго «*Athenaeum*'а» интересную статью объ образованіи и воспитаніи и тотчасъ же послалъ журналъ Ушинскому въ Гатчину, прося поскорѣе перевести статью для журнала. Спустя нѣсколько дней, является къ нему Ушинскій въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ, и первымъ его словомъ было: „Ахъ, Альбертъ Викентьевичъ, что вы со мной сдѣлали! Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'а», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ». Съ этого времени, по словамъ Старчевскаго, педагогическая идея такъ глубоко запала въ душу Ушинскаго, что онъ уже постоянно сталъ писать статьи педагогическаго характера; сначала объ американскомъ воспитаніи въ «Библіотекѣ для Чтенія», а потомъ въ журналѣ Чумикова «*Воспитаніе*» и др.

Къ этому же, приблизительно, времени относится также и третье знаменательное обстоятельство. Былъ въ Гатчинскомъ

свое міровоззрѣніе на основахъ философскихъ. Эти лекціи, вмѣстѣ съ лекціями Грановскаго, статистика Чивилева, профессора римскаго права Крылова и др., естественно, способствовали общему подъему духа студентовъ, внося въ жизнь молодежи внутреннее содержаніе и научные интересы. Поэтому-то на студентовъ того времени, и особенно на Ушинскаго, уже подготовленнаго къ этому новому университетскому духу хорошей гимназіей, рядомъ съ наукой, горячую проповѣдь которой слышали они съ профессорской каѳедры, воспитательно дѣйствовало и товарищество, въ самые кутежи и неизбѣжныя юношескія увлеченія вносившее добрую поэтическую струю. Среди этого товарищества, большею частію демократическаго, нерѣдко терпѣвшаго нужды и лишенія, Ушинскій, и самъ нерѣдко бѣдствовавшій въ университетѣ, такъ какъ отецъ присылалъ деньги рѣдко и неаккуратно, занималъ положеніе весьма почтенное. Всѣ любили его за умъ, горячую, острую, свободную рѣчь, за готовность всегда прийти на помощь товарищу и своими знаніями, особенно въ разъясненіи отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ, и послѣднимъ рублемъ, и трубкой табаку. Немало способствовалъ развитію московской молодежи и театръ, съ Мочаловымъ и Щепкинымъ, находившійся тогда также въ лучшей своей порѣ. Посѣщеніе за какой-нибудь двугривенный театральнаго рая было самымъ любимымъ наслажденіемъ Ушинскаго, восторженнаго почитателя Мочалова, и, вообще, трагедіи,—особенно любимой студентами. Рядомъ съ посѣщеніемъ лекцій, самостоятельнымъ изученіемъ наукъ, горячими товарищескими бесѣдами и спорами объ иностранной политикѣ, литературѣ и всевозможныхъ нравственныхъ и философскихъ вопросахъ, происходившими, большею частію, въ тогдашнемъ студенческомъ клубѣ, небольшомъ трактирчикѣ, близъ университета, «*Великобританія*», получившемъ, благодаря Бѣлинскому и мно-

гимъ другимъ, историко-литературное значеніе умственнаго студенческаго центра тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; рядомъ съ театромъ, за свое университетское время, Ушинскій читалъ и произведенія художественныя, особенно Пушкина, Гёте, Гофмана и Жана-Поля Рихтера,—такъ что науки и искусство шли у него рука объ руку, не отрывая его въ то же время и отъ дѣйствительной жизни.

Такимъ-то образомъ, постепенно, подъ вліяніемъ семьи, малороссійской роскошной природы, гимназіи, университетской науки, товарищества, поэзіи и театра, вырабатывалась эта замѣчательно-цѣльная личность, сложившаяся къ двадцати годамъ своей жизни, къ тому юному возрасту, когда въ нынѣшнее время большинство еще едва только добирается до аттестата зрѣлости.

Черезъ два года по окончаніи курса вторымъ кандидатомъ правъ, Ушинскій получилъ мѣсто профессора энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и науки о финансахъ, въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, и съ жаромъ принялся за чтеніе лекцій, которыя, по словамъ бывшихъ его учениковъ, читалъ онъ увлекательно. Но уже въ 1850 году онъ долженъ былъ оставить службу въ Лицеѣ, гдѣ потребовали съ него подробнѣйшихъ программъ каждой отдѣльной лекціи, на что онъ, ввиду крайняго стѣсненія живого научнаго преподаванія, не согласился и, переѣхавъ на житье въ Петербургъ, поступилъ, для пріобрѣтенія какихъ-нибудь средствъ къ жизни, чиновникомъ Мин. Внутр. Дѣлъ, въ Департаментъ Иностранныхъ Исповѣданій, на 400 р. въ годъ. Чиновникомъ бывшій профессоръ оказался плохимъ, и все свободное отъ службы время посвящалъ ревностному изученію англійскаго языка, философіи и особенно заинтересовавшаго его землевѣдѣнія Карла Риттера. Съ женитьбой, послѣдовавшей въ скоромъ же времени, средствъ оказалось недо-

естествознанія и географіи; мертвую реторику и піитику замѣнилъ классными разборами самыхъ произведеній художественныхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, чтобъ уже на нихъ основывались теоретическіе выводы, а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ эстетическому развитію женщины предметовъ поставилъ исторію отечественной литературы. Онъ же первый у насъ въ Россіи посмотрѣлъ на математику не какъ на скучный для женщины, только терпимый, предметъ, а какъ на могущественное средство ея логическаго развитія;— словомъ, образованіе женщины, которое дотолѣ было у насъ только формальнымъ и поверхностнымъ, поставилъ на практикѣ своего же учебнаго заведенія серьёзнымъ, государственнымъ и общественнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Ушинскій справедливо можетъ считаться, вмѣстѣ съ Н. А. Вишнеградскимъ, истиннымъ основателемъ всего нынѣшняго женскаго русскаго образованія, начинающаго обращать на себя вниманіе и западной Европы. Рядомъ съ реформой образовательной, приведенной въ исполненіе въ Смольномъ институтѣ съ 12-го апрѣля 1860 года, по мысли Ушинскаго же, хотя и послѣ него, было разрѣшено отпускать ученицъ нашихъ институтовъ къ роднымъ на каникулы и большіе праздники, чѣмъ уничтожалась прежняя оторванность дѣтей отъ родного дома.

Такого результата, какъ созданіе совсѣмъ новой, дотолѣ неслыханной у насъ, системы женскаго образованія и воспитанія, Ушинскій, центръ и душа всего дѣла, могъ достичь только при дружномъ содѣйствіи цѣлаго кружка талантливыхъ преподавателей, вносившихъ въ свою дѣятельность упорный трудъ, одушевленіе и вѣру въ ея благотворность. При содѣйствіи этого же кружка только и могъ онъ цѣлыхъ три года бороться съ приверженцами старой рутины, въ которыхъ недостатка не было, и которые сумѣли-таки оклеветать безко-

рыстнаго дѣятеля, глубокаго христіанина и патріота, передъ высшимъ начальствомъ. Какъ и всѣ истинно-геніальные практическіе дѣятели, Ушинскій отличался умѣньемъ выбирать людей. И вотъ, уже въ 1860 г., мы видимъ около него цѣлый кружокъ свѣжихъ педагогическихъ силъ, которыхъ имена въ настоящее время пользуются общею извѣстностью. Таковы: В. И. Водовозовъ, Л. Н. Модзолевскій, Д. Д. Семеновъ, М. И. Семевскій, Раевскій, О. Ѳ. Миллеръ, Лемени, Дестунисъ, В. И. Лядовъ, А. И. Павловскій, Я. П. Пугачевскій, В. Ѳ. Буссе, Массонъ, покойный свящ. Головинъ и др. Не малый контингентъ этого замѣчательнаго педагогическаго персонала дала Ушинскому основавшаяся около этого времени, по сосѣдству съ Смольнымъ институтомъ, первая, по времени открытія въ Петербургѣ, ежедневная безплатная Таврическая школа, устроенная, нынѣ умершимъ, молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. О. Косинскимъ, энтузіастомъ педагогическаго дѣла, разрабатывавшимъ методику математическихъ наукъ, также приглашеннымъ въ число преподавателей. Интересно при этомъ, что весь женскій персоналъ Института, за исключеніемъ только двухъ инспектрисъ: Е. Н. Обручевой и А. К. Сентъ-Илеръ, не только не сочувствовалъ преобразованіямъ Ушинскаго, но даже стоялъ, большею частію, прямо на сторонѣ его враговъ. Сдѣлавъ такой замѣчательный выборъ энергическихъ и преданныхъ дѣлу помощниковъ, Константинъ Дмитріевичъ сумѣлъ соединить ихъ всѣхъ въ одну тѣсную семью, о которой и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ старѣющіе ея члены. На четверги Ушинскаго, въ небольшой уютный сѣренькій флигель, составлявшій какъ бы частицу цѣлаго городка вдали отъ столицы, носившаго названіе *Смольнаго монастыря*, собирались всѣ, кто хотѣлъ, его друзья и сослуживцы; и тутъ-то, въ живой бесѣдѣ и одушевленныхъ спорахъ, и вырабатывались соеди-

институтѣ, еще задолго до Ушинскаго, инспекторомъ нѣкій энтузіастъ-мечтатель Е. О. Гугель, кончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой и педагогическими теоріями, и оставившій въ Институтѣ два шкафа собранныхъ имъ лучшихъ педагогическихъ и философскихъ книгъ. Эти два шкафа, запыленные и почернѣлые, тщательно запечатанные казенною печатью, навлекшіе, лѣтъ двадцать назадъ, гоненіе на бѣднаго энтузіаста, одного изъ необыкновеннѣйшихъ людей въ Россіи, и теперь, съ разрѣшенія начальства, отпертые Ушинскимъ, еще болѣе расширили взгляды Константина Дмитріевича на серьёзныя задачи воспитанія и утвердили въ намѣреніи посвятить всего себя дѣлу русскаго просвѣщенія. Съ этого времени кончается, такъ сказать, *подготовительный* періодъ его дѣятельности, и начинается на прочныхъ основахъ науки дѣятельность педагога-практика и писателя-теоретика. Къ этому же времени пребыванія Ушинскаго въ Гатчинѣ относится, кромѣ замѣчательныхъ статей въ «*Воспитаніи*» Чумикова, и первая его мысль о составленіи книги для начальнаго обученія русскому языку.

Необыкновенная по энергіи и разумности дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ, а также и литературная, обратили на него вниманіе Министра народнаго просвѣщенія Норова, которому рекомендовалъ его извѣстный профессоръ и академикъ А. В. Никитенко, преподававшій въ Смольномъ институтѣ, и въ 1859 году, К. Д. получилъ, при ихъ содѣйствіи, мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института, гдѣ, сообразно духу времени, потребовавшаго расширенія умственнаго развитіи и образованія женщинъ, готовились очень важныя преобразованія.

Довольно перечитать многочисленныя мѣста его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ о важности семьи и благотворномъ

вліяніи женщины, чтобы понять, съ какой радостью и съ какими широкими задачами принялъ онъ это новое мѣсто.

Всего только трехлѣтнее управленіе Ушинскимъ учебною частью Смольнаго института представляетъ въ исторіи нашего образованія разительный примѣръ того, какое огромное вліяніе можетъ оказать на весь ходъ образованія въ государствѣ энергическая, талантливая личность, удачно выбранная и призванная къ дѣлу самимъ правительствомъ. И если Н. А. Вышнеградскій, около этого же времени осуществившій свой великій проектъ учрежденія женскихъ гимназій, открылъ дорогу всесословному женскому образованію, то К. Д. Ушинскій, внеся жизнь въ наши привилегированные институтскіе интернаты, положилъ широкое основаніе разработкѣ учебныхъ программъ, которыя, въ сущности, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, и въ настоящее время, остаются, какъ наиболѣе разумныя, во всѣхъ нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, точно такъ же, какъ и распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ. Принявъ въ свое вѣдѣніе огромный интернатъ въ 700 дѣвицъ, представлявшій какой-то вопіющій анахронизмъ въ обновительный періодъ прошлаго благословеннаго царствованія, Ушинскій уравнялъ учебный курсъ обѣихъ, такъ называвшихся въ обществѣ, благородной и неблагородной половинъ, уничтожилъ унижающія достоинство дѣтей особыя параллельныя отдѣленія для болѣе слабыхъ ученицъ, распредѣлилъ курсъ на семь лѣтъ, по году въ классѣ; положилъ основаніе особому педагогическому классу, гдѣ ученицы могли бы основательно знакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ; ввелъ въ младшіе классы наглядное обученіе, и родной языкъ положилъ основою всего образованія, выведя его изъ узкаго круга исключительно грамматическаго преподаванія, при которомъ дотолѣ не давалось мѣста развитію учащихся; оживилъ преподаваніе

ненными силами программы и методы, разные педагогическіе взгляды и системы, которыми въ шестидесятыхъ годахъ такъ интересовалось все образованное русское общество. Насколько горячо относился Ушинскій къ интересамъ своего дѣла въ Смольномъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что онъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ высшаго начальства, не останавливался въ привлеченіи къ педагогической дѣятельности ни передъ какими оффиціальными дипломами, если только намѣчалъ кого-нибудь, какъ способнаго себѣ помощника. Такъ, были приглашены, напримѣръ, въ учителя молодые офицеры М. О. Косинскій и артиллеристъ М. И. Семевскій, оказавшіеся отличными преподавателями математики и исторіи; также пригласилъ было Ушинскій преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ и извѣстнаго покойнаго писателя Н. Г. Помяловскаго, о которомъ онъ слышалъ, какъ объ отличномъ учителѣ въ безплатной Шлиссельбургской воскресной школѣ для дѣтей рабочихъ, но который, давъ нѣсколько хорошихъ пробныхъ уроковъ, къ сожалѣнію, самъ не пожелалъ занять штатнаго мѣста въ Институтѣ. Въ этомъ же педагогическомъ кружкѣ Ушинскаго, составлявшемъ лучшую педагогическую живую семинарію и для самихъ молодыхъ преподователей, кажется, окончательно обсуждался и начатый Ушинскимъ еще въ Гатчинѣ *„Дѣтскій Міръ“*, на составленіе коего авторъ посвятилъ цѣлыхъ три года кропотливаго труда. Книга вышла въ началѣ 1861 года въ двухъ томахъ и имѣла такой громадный успѣхъ, что въ томъ же году уже потребовалось еще два изданія.

Такимъ-то образомъ, благодаря энергіи и таланту одного человѣка, въ какіе-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою полною жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого интереса. Всюду въ Петербургѣ заговорили о Смоль-

номъ и его необыкновенныхъ учителяхъ; чиновники разныхъ вѣдомствъ, многіе, просто, интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, нарочно пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно, въ младшихъ классахъ. Имя Ушинскаго, преподававшаго въ Институтѣ на обѣихъ половинахъ педагогику и дидактику, гремѣло всюду:—*„Дѣтскій Міръ“* сразу сдѣлался классной книгой во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; сами ученицы, и большія, и маленькія, смотрѣвшія на ученье прежде какъ на противный трудъ, привязались и къ наукѣ, и къ учителямъ, и особенно, къ гуманному своему инспектору, въ которомъ не слышали души и онѣ сами, и ихъ благодарные родители; въ самыхъ высшихъ сферахъ пользовался Ушинскій величайшимъ авторитетомъ, такъ что ему даже поручено было написать свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола;—словомъ, значеніе Константина Дмитріевича достигло апогея, и Богъ знаетъ, сколько добра русскому образованію могъ бы онъ сдѣлать, если бы оставался на своемъ мѣстѣ дольше; но тутъ-то и разразилась надъ нимъ, катастрофа, едва не сведшая его въ могилу. Шедшій всегда прямо, нервный и болѣзненно-раздражительный, онъ не обладалъ способностью ладить съ людьми, поддѣлываться къ нимъ, во-время обходить дрянныя самолюбьица, которыя нерѣдко оскорблялъ рѣзкою прямотою,—и, естественно, вооружилъ противъ себя очень многихъ. И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ, въ началѣ 1862 года, не только оставить инспекторство, но даже нѣсколько сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писать свое оправданіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжкихъ обвиненій, грозившихъ неминуемой гибелью и ему самому, и всей его многочисленной семьѣ,—обвиненій, въ которыхъ онъ менѣе всего былъ повиненъ, и которыя взвела на него гнусная клевета-доносъ,—лучшее орудіе въ рукахъ всѣхъ воистину неблагонамѣренныхъ людей, не любящихъ своей родины. Тутъ

то, какъ громомъ пораженный въ самое сердце, за писаніемъ этихъ печальныхъ оправдательныхъ страницъ, сразу посѣдѣлъ Ушинскій и сталъ харкать кровью...

Но высокое вниманіе къ неповинному страдальцу блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Александровны, знавшей его лично съ самой безупречной стороны, спасло Ушинскаго. Не могши уже, конечно, по чисто оффиціальнымъ соображеніямъ, продолжать инспекторскую дѣятельность, онъ былъ причисленъ, съ сохраненіемъ всего прежняго содержанія, къ IV Отдѣленію, и даже получилъ заграничную командировку.

Такъ закончилась безпримѣрная у насъ оффиціальная громкая дѣятельность Ушинскаго. Враги его торжествовали. Но не стало реформатора,—не умерла реформа. Она не только осталась въ Смольномъ, но и была введена во всѣ женскіе институты имперіи. Еще и до сихъ поръ его питомицы, многія изъ нихъ сами матери и бабушки, съ глубокою благодарностью вспоминаютъ своего добраго наставника, избавившаго ихъ, можетъ быть, цѣной своей собственной жизни, отъ духовнаго и физическаго порабощенія, на которое обрекала тысячи русскихъ женщинъ прежняя система воспитанія.

Еще во время инспекторства Ушинскаго въ Смольномъ монастырѣ, А. В. Головинъ, задумавшій, ввиду наступившихъ реформъ по образованію, сдѣлать „Журналъ Министерства Народн. Просв.“ органомъ обсужденія и разъясненія педагогическихъ вопросовъ,—предложилъ Ушинскому должность редактора, и съ половины 1860 года, этотъ журналъ, дотолѣ сухой оффиціальный сборникъ правительственныхъ распоряженій и спеціальныхъ случайныхъ статей, такъ преобразился, что живо сталъ интересовать и публику, особенно, статьями самого редактора,—напр., „*Трудъ*,“ „*О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи*“, „*Проектъ учительской семинаріи*“, „*Род-*

ное слово“ и др. Ушинскій оставался редакторомъ, впрочемъ, недолго, всего до ноября 1861 года, такъ-какъ новый Министръ, графъ Путятинъ, вознамѣрился сдѣлать изъ журнала ученый сборникъ по всѣмъ наукамъ, на что К. Д. не считалъ себя способнымъ, хотя и продолжалъ еще нѣкоторое время участвовать въ журналѣ въ качествѣ сотрудника, и въ мартѣ 1862 года помѣстилъ въ немъ обстоятельный разборъ сочиненій Пирогова. Глубоко сочувствуя взглядамъ послѣдняго на воспитаніе и восторженно относясь къ высокой личности медика-педагога, Ушинскій не раздѣлялъ, впрочемъ, его убѣжденія относительно необходимости положить въ основу русскаго воспитанія классическіе языки, и высказалъ прямо, что не чужіе и мертвые языки, а языкъ родной есть лучшее средство духовнаго развитія. Эту же мысль горячо проповѣдывалъ Ушинскій и въ газетѣ «*Голосъ*», а для осуществленія ея вскорѣ приступилъ къ составленію своего, до сихъ поръ еще незамѣнимаго, руководства: „*Родное Слово*“.

Разстроивъ непріятностями и литературнымъ трудомъ здоровье, онъ, въ маѣ 1862 года, уѣхалъ съ семействомъ за-границу, получивъ отъ IV Отдѣленія командировку ознакомиться съ иноземными женскими учебными заведеніями. Заграницей Ушинскій провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ, до 1867 г., живя бо́льшею частью въ Швейцаріи, близъ Веве и въ Гейдельбергѣ, гдѣ познакомился и очень сблизился съ Н. И. Пироговымъ. Еще никогда не видя его, Ушинскій пишетъ къ одному знакомому изъ Интерлакена въ Гейдельбергъ: „Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ и часто съ нимъ видаетесь: для него одного стоитъ переселиться на зиму въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человѣка, но едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважалъ бы болѣе“. Ушинскій считалъ его человѣкомъ, способнымъ возвысить и укрѣпить духъ другого человѣка,—человѣкомъ, жизнь кото-

раго можетъ для всякаго служить образцомъ. „Наконецъ-то,“— пишетъ онъ въ другомъ письмѣ — „мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“. Это-то трогательное сближеніе двухъ величайшихъ нашихъ педагоговъ, какъ намъ кажется, имѣло особенно благотворное вліяніе на Ушинскаго. Оно укрѣпило его слабѣющій духъ, поддержало въ немъ вѣру въ свои силы и дало новую энергію для достойнаго заключенія его литературно-педагогичееской дѣятельности.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій прежде всего занялся изученіемъ ея школьнаго устройства, въ особенности, народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ; и уже осенью 1862 года, въ «Журн. М. Н. Просв.», редакція котораго перешла къ его помощнику и товарищу по университету Ю. С. Рехневскому,—появились «*Письма изъ Швейцаріи*», особенно поразившія публику строгимъ контрастомъ швейцарской школы съ нашей. Интересъ къ бѣдной русской школѣ и, вообще, къ дѣлу народнаго образованія усилился у Ушинскаго заграницей еще болѣе. Но при всемъ недовольствѣ настоящимъ русской педагогіи, его никогда не покидала надежда на свѣтлое будущее. «Теперь именно настаетъ пора, пишетъ онъ изъ-заграницы, — когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные—и много, много школъ нужно! Иначе,—и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, какую могли бы принести эти истинно-великіе шаги впередъ. Школу, народную школу, дайте Россіи, —и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ кото-

рое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ; готовьтесь безъ утопій, но и безъ охлажденія, съ вѣрою въ Провидѣніе и человѣчество, въ его божественное назначеніе, потому что безъ вѣры ничего не сдѣлаете»... И вотъ для этой-то школы началъ Ушинскій составлять въ Швейцаріи свои книжки для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей отъ 6—9-лѣтняго возраста,— «*Родное Слово*», приспособивъ книжки не только къ употребленію въ училищахъ, но и къ воспитанію домашнему. Но при составленіи ихъ онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду учительницу-мать. «Я желалъ бы отъ всей души, говоритъ онъ, — чтобы на моей родинѣ развивались въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости». Двѣ первыя книжки этого великаго труда, надъ которымъ авторъ работалъ цѣлыхъ четыре года, вышли въ 1864 году; затѣмъ, появилась его «*Книжка для учащихъ*», и наконецъ, только въ 1870 году, —единственный у насъ опытъ нагляднаго изложенія грамматики, также съ руководствомъ для преподавателей: «*Родное Слово —годъ третій*».

Рядомъ съ этими трудами, всѣмъ въ Россіи извѣстными и сдѣлавшими имя Ушинскаго *народнымъ*, а по громадному, *милліонному* количеству разошедшихся экземпляровъ совершенно у насъ безпримѣрными («Родное Слово» вышло недавно 66-мъ изданіемъ), назрѣвала у Константина Дмитріевича мысль о составленіи обстоятельнаго курса педагогіи. Къ такому труду побуждало его и IV отдѣленіе, возложившее на него порученіе написать руководство для учителей. Принимая во вни-

маніе почти полное отсутствіе у насъ всякихъ философскихъ знаній и книгъ по этой части, онъ рѣшился, воспользовавшись эклектическимъ путемъ философскими трудами величайшихъ иностранныхъ ученыхъ, создать такой особый систематическій сборникъ антропологическихъ статей, который давалъ бы педагогу возможность получить ясное понятіе о физической и духовной природѣ человѣка, какъ ихъ понимаетъ современная европейская наука. Смотря на педагогику только какъ на искусство, которому можно выучиться на практикѣ, а въ нѣмецкихъ педагогикахъ видя только своды извѣстныхъ правилъ, мало понятныхъ и приложимыхъ къ дѣлу безъ знанія вообще человѣческой природы,—Ушинскій считалъ въ настоящее время единственно полезною для Россіи именно только такую философско-эклектическую книгу, написанную возможно-понятнымъ языкомъ. И вотъ онъ принялся перечитывать цѣлую массу философскихъ сочиненій всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, дѣлая изъ нихъ выписки на особыхъ листочкахъ цѣлыя пять лѣтъ пребыванія заграницей, и въ 1867 году явился въ Петербургъ съ цѣлой громадной массой сырого матеріала, который нужно было привести въ систему и связать все одной идеей, уже давно созрѣвшей въ его головѣ. Этотъ огромный, числовой, трудъ выполненъ уже здѣсь менѣе чѣмъ въ годъ, такъ что уже въ концу 1867 года вышелъ первый томъ книги: «*Человѣкъ какъ предметъ воспитанія,—опытъ педагогической антропологіи*», а въ 1869 г.—и второй; третій же,—гдѣ предполагались приложенія теоріи къ практикѣ воспитанія,—остался только, къ сожалѣнію, въ однихъ черновыхъ рукописныхъ наброскахъ. Но и этихъ двухъ томовъ, представляющихъ обширную и единственную у насъ популярную философскую энциклопедію, полезную не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка,—вполнѣ было бы достаточно, чтобы навсегда сдѣлать безсмертнымъ

для Россіи имя Ушинскаго, еслибъ его заслуги ограничивались даже однимъ этимъ великимъ трудомъ.

Вторымъ томомъ антропологіи, собственно, и закончилась дѣятельность Ушинскаго. Неутомимо работая надъ своей книгой, посѣщая педагогическія собранія во 2-й гражданской гимназіи и университетскіе диспуты, проводя немногіе свободные часы въ кругу нѣжно-любимаго семейства и избранныхъ друзей, Ушинскій чувствовалъ себя, относительно, даже здоровымъ; его матеріальныя средства, благодаря необыкновенному успѣху книгъ, были въ цвѣтущемъ состояніи; имя его не только въ столицахъ, но и по всей Россіи, гдѣ постепенно открывались школы и семинаріи, пользовалось самою широкою популярностью; духъ былъ бодръ и обѣщалъ, повидимому, еще многіе годы труда на благо родины; въ семнадцатилѣтнемъ сынѣ своемъ, необыкновенно симпатичномъ молодомъ человѣкѣ, съ прекраснѣйшей душой и способностями, только-что блестяще оканчивавшемъ курсъ во 2-й Военной Петербургской Гимназіи въ іюнѣ 1870 года, онъ видѣлъ въ будущемъ достойнаго себѣ помощника,—словомъ, все, повидимому, такъ счастливо соединилось для Ушинскаго, чтобы достойно вознаградить его за всѣ труды на пользу родины. Но завистливая судьба, мало балующая нашихъ русскихъ дѣятелей, готовила ему въ ближайшемъ будущемъ неожиданный, и самый жестокій ударъ, который быстро свелъ Ушинскаго въ могилу.

Весною 1870 года, Ушинскій, всегда боявшійся петербургской весны, отправился посовѣтоваться съ докторами въ Вѣну. Они послали его въ Крымъ лѣчиться кумысомъ, и онъ проѣхалъ черезъ Одессу прямо въ Бахчисарай, гдѣ и возстановилъ значительно свое здоровье. Желая познакомиться съ Крымомъ поближе, предпринялъ онъ поѣздку въ Симферополь, куда попалъ какъ-разъ къ съѣзду народныхъ учителей. Съ

великимъ почетомъ встрѣтило его все симферопольское общество, и мѣстный директоръ народныхъ училищъ предложилъ ему осмотрѣть татарскую школу, гдѣ въ особомъ классѣ русскаго языка Ушинскій видѣлъ примѣненіе своего «*Родного Слова*» на практикѣ, и затѣмъ, самъ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ съѣзда, а въ день его отъѣзда всѣ учителя, съ директоромъ во главѣ, и многіе изъ публики устроили настоящую овацію, глубоко его тронувшую. Убѣдившись во очію, какое громадное значеніе имѣетъ его дѣятельность и насколько даже въ томъ видѣ, въ какомъ было составлено «*Родное Слово*», преимущественно для горожанъ и достаточныхъ классовъ, оно пользуется успѣхомъ, онъ твердо рѣшился приняться за передѣлку книги, въ примѣненіи *именно къ народной школѣ*. «Написать книгу, писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «*Антропологію*», и потомъ только я сколько-нибудь примѣню «*Родное Слово*» къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе «*Родного Слова*». Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего досаднѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежняго здоровья, и я бы, кажется, все окончилъ». Занимала его мысль и о составленіи *Популярнаго курса отечественной исторіи*, и, встрѣтившись въ это же лѣто въ Ялтѣ съ Н И. Костомаровымъ, онъ горячо убѣждалъ его приняться за это дѣло.

Такъ, полный широкихъ замысловъ, поощряемый сочувствіемъ русскаго общества и значительно поправившись въ Крыму здоровьемъ,—спѣшилъ Ушинскій, въ концѣ іюля, въ свое имѣніе Богданку (Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда) къ родной семьѣ, куда пріѣхалъ еще въ

іюнѣ его любимецъ старшій сынъ; но тутъ-то и ждалъ отца страшный ударъ.

Ушинскій пріѣхалъ какъ-разъ въ день похоронъ своего любимца, нечаянно застрѣлившагося на охотѣ. Эта смерть окончательно надломила его силы—и духовныя, и физическія Спокойный по наружности, ушедшій весь въ себя, онъ всѣ свои заботы направилъ на лучшее устройство своего имѣнія и на покупку гдѣ-либо дома, чтобъ «свить гнѣздо своей семьѣ». Осенью же онъ перевезъ семью въ Кіевъ, но самъ прожилъ тамъ недолго. Мрачныя предчувствія томили его. Доктора посылали опять лѣчиться въ Крымъ, самого же его тянуло въ Петербургъ, гдѣ прошла лучшая часть его жизни, и онъ отправился въ Одессу со своими двумя младшими сыновьями, но дорогой простудился и заболѣлъ уже въ Одессѣ воспаленіемъ легкихъ. Чувствуя близость смерти, онъ тотчасъ же выписалъ всю семью, и 21 декабря 1870 года, благословивъ дѣтей, тихо скончался въ полномъ сознаніи, истиннымъ христіаниномъ, всего только на сорокъ-седьмомъ году труженической жизни. Почести, отданныя его тѣлу при перенесеніи изъ одесскаго каѳедральнаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, на станцію желѣзной дороги, встрѣча его на станціи Куликово-поле, торжественное погребеніе въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ,—наглядно показали, что русское провинціальное интеллигентное общество уже научилось цѣнить истинныя заслуги человѣка, всю жизнь свою посвятившаго воспитательному дѣлу своей родины.

Обозрѣвъ въ самыхъ главныхъ чертахъ жизнь Ушинскаго, насколько выразилась она во внѣшней дѣятельности, посмотримъ, какое же значеніе имѣетъ эта личность, и въ чемъ можетъ она быть поучительна для настоящихъ юныхъ поколѣній педагоговъ и ближайшаго будущаго.

Подобная личность прежде всего глубоко поучительна со

стороны тѣхъ элементовъ, которые способствовали ея образованію. Эти элементы: вопервыхъ, вліяніе семьи, особенно, матери, внесшей въ душу сына любовь и теплое религіозное чувство; вовторыхъ, отсутствіе въ школѣ мертвящаго духа непосильной учебной работы, забивающей самостоятельное развитіе ребенка и его личность; втретьихъ, дружное товарищество, отъ раннихъ лѣтъ воспитывающее духъ общественности и подавляющее въ ребенкѣ эгоизмъ и обособленность; вчетвертыхъ, — что особенно важно,—высокія, проникнутыя любовью къ наукѣ, личности воспитателей, какими были для Ушинскаго — въ гимназіи Тимковскій, а университетѣ — Грановскій и Рѣдкинъ; наконецъ, самое время конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, съ одной стороны, крайне глухое время крѣпостнической Руси, съ другой, въ немногихъ, но зато наиболѣе талантливыхъ своихъ интеллигентныхъ представителяхъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и др., а также нѣкоторыхъ учителей, преимущественно, словесниковъ и профессоровъ, сосредоточившее очень сильное умственное движеніе, вліявшее особенно на учащуюся молодежь. Только при подобныхъ благопріятныхъ условіяхъ и могла развиться вполнѣ такая личность, какъ Ушинскій; а для того, чтобы его дѣятельность могла развернуться и имѣть такой успѣхъ, нужно было, чтобы въ самомъ обществѣ почувствовался тотъ подъемъ духа, которымъ такъ рѣзко выдѣляются въ нашей исторіи конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы. Вотъ почему совершенно справедливо замѣчаетъ г. Старчевскій, что другого такого человѣка, равнаго Ушинскому по душѣ, знанію и широкой педагогической дѣятельности, который пришелъ бы ему на смѣну, долго придется ждать русской педагогикѣ, потому что все у насъ съ того времени ужасно перемѣнилось... Тѣмъ не менѣе, преждевременная кончина Ушинскаго есть большое несчастіе и невознаради-

мая утрата для нашего общества и науки. Его труды произвели совершенный переворотъ въ русской педагогикѣ: въ системѣ воспитанія, въ семьѣ, въ отношеніи родителей къ дѣтямъ. Высокій и чистый въ своемъ ученіи, онъ своимъ словомъ и примѣромъ будилъ сонное общество, указывалъ ему настоящее, святое дѣло, которое и до сихъ поръ намъ всего нужнѣе,—дѣло христіанскаго, народнаго воспитанія нашихъ дѣтей, и избавилъ отъ многихъ страданій слѣдующія поколѣнія. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ, близко его знавшій и долго вмѣстѣ съ нимъ работавшій: «Это былъ *человѣкъ идеи* прежде всего, *идеалистъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова, помимо науки и религіи не допускавшій возможности истиннаго прогресса ни для русской школы въ частности, ни для Россіи вообще». «У насъ, пишетъ Ушинскій въ одномъ письмѣ, прежде всего недостаетъ *педагогической идеи*, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія; а плодовитая педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ. Вѣковой традиціи, которая, главнымъ образомъ, ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на общественномъ сознаніи, тоже нѣтъ; а потому, безъ особыхъ университетскихъ каѳедръ антропологіи и даже особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой, рѣшительно невозможно образованіе у насъ, въ настоящее время, дѣйствительно хорошихъ учительскихъ семинарій, хотя и желательно пока, по крайней мѣрѣ, учрежденіе особыхъ школъ для дрессировки въ педагогической практикѣ, — ремеслѣ, въ сущности, нехитромъ. Этой философско-педагогической идеи наши университеты, какъ извѣстно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящаго времени; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ тоже

мало дается метерьяла для пытливой мысли и наклонности къ самостоятельному занятію науками гуманными, какъ литература, исторія и, особенно, философія.» «Такимъ образомъ, продолжаетъ почитатель Ушинскаго, единственнымъ представителемъ *научной педагогіи* у насъ до сихъ поръ остается одинъ Ушинскій, вліяніе котораго можно видѣть ясно во всѣхъ трудахъ нашихъ лучшихъ педагогическихъ писателей, составителей руководствъ, учебниковъ и, вообще, во всей литературѣ, обнимающей кругъ элементарнаго образованія. Тѣ задачи, которыя были поставлены въ знаменитыхъ *вопросахъ жизни* Н. И. Пирогова, были научно разрѣшены однимъ Ушинскимъ, который поэтому можетъ быть, по праву, названъ его послѣдователемъ и главнѣйшимъ представителемъ, отцомъ русской педагогіи. И чѣмъ далѣе будетъ развиваться наша педагогическая литература, и чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться русская школа, тѣмъ болѣе должно расти и значеніе К. Д. Ушинскаго, вдохнувшаго идею въ русское воспитаніе и указавшаго ему путь къ безконечному развитію на тѣхъ же физико-психологическихъ, или, вѣрнѣе, антропологическихъ началахъ, на которыхъ оно уже установлено у образованнѣйшихъ народовъ».

Викторъ Острогорскій.

III.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ.

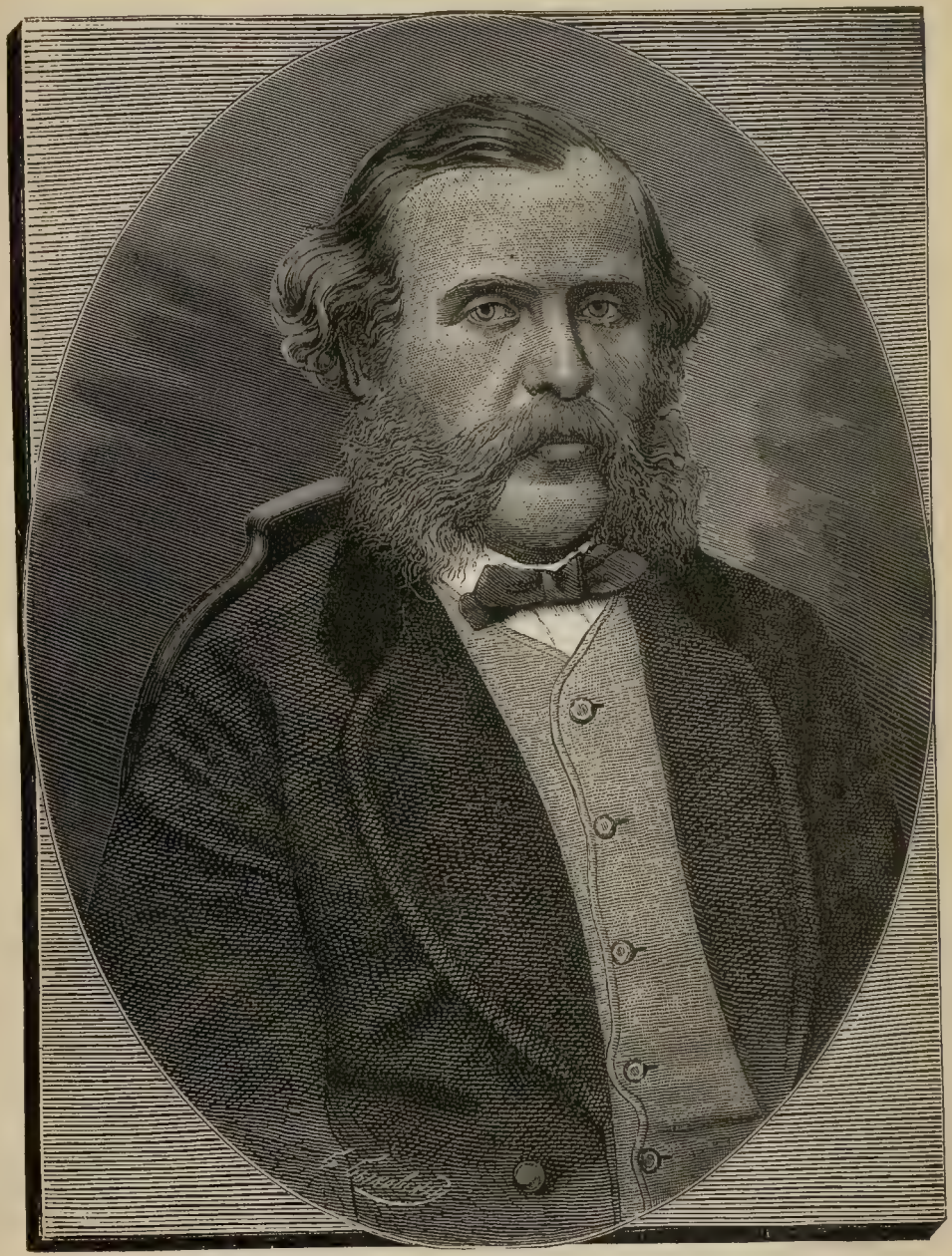
«Откройте въ Россіи столько школъ, сколько ихъ есть въ Америкѣ, и это государство превзойдетъ могуществомъ всѣ остальныя въ мірѣ».

Лавелэ. (Rev. de deux mondes 1874 г.).

Школа, въ которой нѣтъ непрерывнаго творчества,—мертвый организмъ.

Корфъ.

Великія реформы порождаютъ и соотвѣтственныхъ дѣятелей. Безъ такихъ дѣятелей самыя благодѣтельныя реформы остались бы мертвой буквой, не могли бы проникнуть въ жизнь, не пустили бы въ ней глубокихъ корней. Просвѣтительныя преобразованія безсмертнаго Царя-Освободителя выдвинули цѣлый рядъ способныхъ и энергическихъ русскихъ людей, которые поняли все громадное значеніе для государства преобразованій, прониклись ими и стали работать на томъ излюбленномъ поприщѣ, на коемъ чувствовали себя и болѣе сильными, и призванными. Къ такимъ талантливымъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелямъ минувшаго царствованія безспорно принадлежитъ и баронъ Н. А. Корфъ. Если нашъ знаменитый педагогъ-хирургъ Н. И. Пироговъ первый провелъ въ сознаніе общества гуманный общечеловѣческій взглядъ на семейное и общественное воспитаніе, если К. Д. Ушинскій своими философскими и педагогическими сочиненіями пролилъ яркій свѣтъ на воспитательно-учебные вопросы, заставилъ проснуться наше общество отъ двадцати-



Баронъ Николай Александровичъ Корфъ.

пятилѣтней спячки, полюбить эти вопросы и заинтересоваться ими, то Н. А. Корфу, по справедливости, принадлежитъ болѣе скромная роль,—роль практика-педагога, какъ перваго организатора нашей народной школы, насадителя правильнаго элементарнаго обученія; а оно, вѣдь, составляетъ фундаментъ всякаго дальнѣйшаго обученія и воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ, надъ оригинальною и выдающеюся дѣятельностію Н. А. стоитъ задуматься. Аристократъ по происхожденію, сынъ остзейца, хотя и совершенно обрусѣлаго, воспитанникъ Александровскаго лицея, малороссійскій помѣщикъ, умершій въ самомъ разцвѣтѣ лѣтъ, всего на 50-мъ году своей жизни, баронъ Корфъ, въ продолженіе недолгой, 17-ти-лѣтней кипучей общественной дѣятельности, неуклонно служитъ интересамъ русской народной школы, являясь то простымъ школьнымъ учителемъ, то руководителемъ учительскихъ съѣздовъ, то организаторомъ сельскихъ школъ въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи, то педагогомъ-туристомъ по Россіи и за границею съ цѣлію изученія той же начальной школы, то плодовитымъ педагогическимъ писателемъ, то краснорѣчивымъ ораторомъ, горячо защищающимъ свободу и развитіе русской народной школы, находя при томъ время вести переписку по педагогическимъ вопросамъ болѣе чѣмъ съ 250 корреспондентаммъ въ Россіи, отъ Колы до Кутаиса и отъ Варшавы до Омска *). И, надо правду сказать, русское общество отнеслось съ признательностію къ столь плодотворной дѣятельности барона Корфа. Въ 1871 г. Московскій университетъ избираетъ Корфа почетнымъ своимъ членомъ; то же дѣлаютъ Петербургское педагогическое общество и Московскій комитетъ грамот-

*) Въ распоряженіи автора настоящей статьи находится до 1000 писемъ различныхъ учрежденій и лицъ къ барону Корфу.

ности; въ 1873 году Петербургскій комитетъ грамотности награждаетъ его золотою медалью за труды по народному образованію. Забаллотированный въ 1872 г. землевладѣльцами Александровскаго уѣзда, баронъ Корфъ за то избирается въ гласные *крестьянами*,—фактъ весьма знаменательный. По случаю безвременной кончины борца за народную школу, не только всѣ наши педагогическіе журналы, но и почти всѣ общелитературныя повременныя изданія и газеты посвятили памяти усопшаго сочувственные отзывы о его дѣятельности. Біографія столь замѣчательнаго педагога стоитъ описанія, хотя бы на этотъ разъ и самаго краткаго.

Ранняя смерть не позволила Корфу докончить его автобіографическихъ воспоминаній, которыя напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1884 г. въ 3 и 5 кн. подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго», и доведены имъ лишь до окончанія курса ученія въ лицеѣ. Изъ «пережитаго» мы узнаемъ, что Н. А. родился въ Харьковѣ 2-го іюля 1834 года. Мать его была малороссійская помѣщица, а отецъ—остзейскій баронъ, но совершенно обрусѣвшій, получившій воспитаніе въ «лицейскомъ пансіонѣ», въ то время самостоятельномъ учебномъ заведеніи. Отецъ Н. А. прекрасно владѣлъ нѣмецкимъ и французскимъ языками и по тому времени слылъ за весьма образованнаго человѣка. Неприглядное дѣтство Н. А. не было согрѣто счастливымъ семейнымъ очагомъ, такъ какъ онъ лишился матери на второмъ году своей жизни, а отца—будучи только 13 лѣтъ отъ роду; да и въ этотъ короткій промежутокъ времени видалъ отца только урывками. Послѣ второй женитьбы отца, маленькому Колѣ, вѣроятно, плохо жилось въ домѣ мачехи, если съ 6 до 10 лѣтъ онъ принужденъ былъ вести скитальническую жизнь, живя то въ Харьковѣ, то въ Екатеринославлѣ, то въ деревнѣ, то въ Новгородѣ, Москвѣ и Петербургѣ. По словамъ жены покойнаго, мягкая и впечатлитель-

ная душа Н. А. всегда страдала отъ отсутствія въ дѣтствѣ родительской ласки, и, въ послѣдствіи, будучи уже женатымъ, онъ не рѣдко говаривалъ: „я не только искалъ товарища и друга въ женѣ, я искалъ ласки, въ которой мнѣ было отказано въ дѣтствѣ, и что я такъ болѣзненно ощущалъ“. Не даромъ въ памяти Корфа хорошо сохранились впечатлѣнія ранняго безотраднаго дѣтства. Онъ хорошо помнитъ, какъ жалѣла сиротку дворовая, крѣпостная прислуга, съ какимъ благоговѣніемъ она вспоминала добрую, набожную мать его, какъ онъ проводилъ большую часть времени съ прислугою, съ которою сближала его общность участи: терпѣть по возможности для того, чтобы не огорчить отца или и его не подвести подъ гнѣвъ, если онъ станетъ защищать и сына, и прислугу. Но величавый образъ отца — стараго, умнаго, аккуратнаго и всегда справедливаго врѣзался въ памяти Корфа вполнѣ. Онъ съ гордостью вспоминаетъ, какъ отецъ его гуманно относился къ своимъ крѣпостнымъ, какъ такого обращенія требовалъ и отъ сына, который исполненіе своихъ желаній отъ прислуги обязанъ былъ выражать не въ формѣ требованій, а въ формѣ просьбы, прибавляя непремѣнно слово „пожалуйста“, какъ отецъ, будучи управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ въ Новгородѣ, принималъ крестьянъ не иначе, какъ въ своемъ кабинетѣ, при чемъ прислуга поясняла Колѣ, что „батюшка Александръ Ѳедоровичъ“ не только не беретъ съ крестьянъ и чиновниковъ, но еще своими деньгами помогаетъ имъ, и какъ Н. А., спустя уже 10 лѣтъ послѣ смерти отца, подъѣзжая къ Новгороду на тройкѣ съ ямщикомъ изъ государственныхъ крестьянъ, на вопросъ, „помнитъ-ли онъ Корфа“? услышалъ: „Какъ не помнить, кто-жъ его не помнитъ? Добрѣйшая была душа!“ Не здѣсь ли, не въ этихъ-ли первыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства

зародились въ впечатлительной душѣ Корфа зачатки горячей любви къ судьбѣ страждущей меньшей братіи?

Живя съ отцомъ и мачехой въ Москвѣ, Корфъ уже шести лѣтъ умѣлъ читать по-русски и по-нѣмецки, благодаря своей нянѣ Алберти, уроженкѣ г. Риги, которая посѣяла въ сердцѣ ребенка и первыя религіозныя сѣмена. Находя, вѣроятно, дальнѣйшее пребываніе сына въ домѣ мачехи вреднымъ въ воспитательномъ отношеніи, отецъ отправилъ сына въ Воронежскую губернію, въ деревню, къ родной теткѣ, баронессѣ Т. Т. Корфъ, которая въ то время была уже вдовою и имѣла двухъ собственныхъ дѣтей: сына 10 л. и дочь 7 л. Умная баронесса понимала, что для воспитанія мальчиковъ нужны мужскія руки, а потому вмѣстѣ съ тремя дѣтьми она переѣхала на жительство въ село Волчье (Воронежской губ.) къ Д. Д. Градовскому, отцу извѣстнаго профессора и публициста. Къ нему же привезли для воспитанія еще двухъ сыновей сосѣдняго помѣщика, да самъ Градовскій имѣлъ собственныхъ двухъ дѣтей, и такимъ образомъ въ домѣ Градовскаго состоялась семейная школа изъ 7 дѣтей. Д. Д. Градовскій былъ душею школы, и хотя держалъ какъ дѣтей, такъ и учителей въ ежовыхъ рукавицахъ, но относился ко всѣмъ, какъ родной отецъ. И хотя въ этой школѣ были и гувернантки, и наставникъ — швейцарецъ Бешра, умѣвшій быть ребенкомъ съ дѣтьми, товарищемъ всѣхъ игръ и занятій, и сухопарый нѣмецъ Пфейферъ, преподававшій нѣмецкій языкъ и музыку, и танцмейстеръ—полякъ, и добрый и симпатичный русскій учитель, но руководителемъ и вдохновителемъ школы оставался все-таки Д. Д. Градовскій. Вполнѣ сознавая, что одна книга еще не можетъ воспитать цѣльнаго человѣка, Градовскій заставлялъ дѣтей учиться лѣтомъ только 4 часа, а зимою 6 часовъ, предоставляя имъ въ остальное время полную свободу. Дѣти съ своимъ наставникомъ гуляли въ лѣсу, бѣгали

по полямъ и лугамъ, занимались уженьемъ рыбы, ѣздили верхомъ, купались, плавали, строили мельницы, имѣли свои грядки, своихъ кроликовъ и перепелокъ. Такая обстановка, при помощи умнаго, словоохотливаго, разносторонне образованнаго швейцарца, развивала и самодѣятельность и самостоятельность. Кормили дѣтей въ «житницѣ Россіи» на славу: и варениками, и варенцомъ, и арбузами, и всѣми снадобьями малороссійской кухни. А какія безотчетно-религіозныя впечатлѣнія закладывали въ душѣ дѣтей ихъ торжественныя поѣздки въ церковь, Свѣтлая заутреня, встрѣча Пасхи, богата кутя наканунѣ Рождества Христова? Неудивительно поэтому, что двухлѣтнее пребываніе въ селѣ Волчьемъ отпечатлѣлось въ памяти Корфа неизгладимыми чертами. Неудивительно, что во всю послѣдующую жизнь его тянуло въ деревню, и при томъ въ деревню малороссійскую. Можетъ быть, здѣсь уже зародился въ немъ идеалъ школы и при томъ идеалъ сельской семейной школы.

На девятомъ году маленькаго Корфа отецъ увозитъ въ Новгородъ, поручаетъ его воспитаніе гувернеру-нѣмцу, но, вслѣдствіе домашнихъ бурь и невзгодъ, черезъ годъ снова отправляетъ его въ г. Верро, въ Лифляндію, въ очень извѣстное въ то время учебное заведеніе Креммера, гдѣ Корфъ пробылъ два года 1844 и 1845.

Нѣмецкая обстановка, нѣмецкая среда, строгіе религіозно-протестанскіе нравы, судъ товарищей, ежедневныя гимнастическія упражненія, методическое обученіе лифляндскаго пансіона, по-своему повліяли на десятилѣтняго отрока. Они пріучили его къ тому усидчивому труду, къ той послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, къ той математичности, которыя наблюдались во всей послѣдующей его жизни, въ его школахъ. «Въ заведеніи Креммера, говоритъ самъ Корфъ, были заложены и первыя основы моего политическаго или граж-

данскаго развитія, если такъ можно выразиться: я жилъ въ большой семьѣ, но въ то же время знакомился съ тѣмъ, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, что существуютъ всѣми уважаемые обычаи, что общество не только въ правѣ относиться къ отдѣльному лицу съ извѣстными требованіями, но и наоборотъ».

Еще большее вліяніе на характеръ послѣдующей дѣятельности Корфа произвелъ петербургскій пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, куда онъ попалъ отъ Креммера, съ цѣлію приготовиться для поступленія въ лицей.

Въ своихъ запискахъ Корфъ весьма симпатично и рельефно обрисовываетъ личность Александра Яковлевича, какъ замѣчательнаго русскаго педагога своего времени. «Тогда какъ огромное большинство частныхъ учебныхъ заведеній того времени, пишетъ Корфъ, существовали только, съ цѣлію наживы, для дрессировки дѣтей, которыхъ они и «*приготовляли*» по какой угодно программѣ, А. Я. и наиболѣе высокопоставленнымъ особамъ, къ нему обращавшимся, отвѣчалъ, бывало, что «приготовляютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ», и никогда не бралъ на себя ручательства въ томъ, что его воспитанникъ поступитъ въ заведеніе, ему указываемое; поступали же наши молодцы ежегодно изъ лучшихъ повсюду. Никогда и ни съ кого не бралъ почтенный директоръ болѣе 300 р. въ годъ; ничѣмъ не могли его убѣдить въ томъ, чтобъ увеличить комплектъ воспитанниковъ, которыхъ онъ допускалъ не болѣе 30-ти, утверждая, что съ большимъ числомъ онъ не въ силахъ справиться. Буквально день и ночь проводилъ Филипповъ съ нами, доставляя себѣ отдыхъ для прогулки безъ насъ только часа на два по вечерамъ, которыми онъ пользовался для совѣщанія съ родителями. Кто изъ насъ лучше всѣхъ игралъ въ мячъ? Александръ Яковлевичъ! Кто лучше всѣхъ игралъ въ «барры» и «пят-

нашку»? Онъ же. Кто лучше всѣхъ читалъ въ слухъ? Опять —онъ же! И облѣпимъ мы его, бывало; сядемъ ему чуть не на плечи и слушаемъ его чтеніе съ замираніемъ сердца, заканчивая этимъ день. А начинался нашъ день опять съ чтенія Евангелія, отрывки изъ котораго ежедневно читалъ намъ самъ А. Я. Съ этихъ поръ и навсегда Евангеліе стало для меня великою книгою».

Не мудрено, что высоконравственный образъ такого самоотверженнаго педагога глубоко запалъ въ молодую, воспріимчивую душу Корфа, и что уже здѣсь юноша окончательно полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Уже здѣсь вокругъ тринадцатилѣтняго юноши собирались товарищи готовить уроки подъ его руководствомъ.

Шестилѣтнее пребываніе Корфа въ Лицеѣ не только не ослабило въ немъ стремленія и любви къ педагогической дѣятельности, но, напротивъ, еще болѣе способствовало къ укрѣпленію природнаго призванія. Такъ, еще будучи въ младшемъ курсѣ Лицея, на шестнадцатомъ году отъ роду, на предложеніе директора, одинъ Корфъ вызвался обучать русскому языку сына графа Кассини, итальянца, котораго и успѣлъ выучить говорить и писать по-русски въ теченіе одного года; а въ старшемъ курсѣ Корфу доставляло особенное наслажденіе разъяснять товарищамъ лекціи по теоріи уголовнаго права.

Какое высокое значеніе придавалъ Корфъ роли педагога, доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что гдѣ бы онъ ни учился, вездѣ вспоминаетъ о своихъ бывшихъ воспитателяхъ, учителяхъ и профессорахъ съ неподдѣльнымъ уваженіемъ, доходящимъ до восторга, снисходительно прощая имъ даже крупные недостатки. Корфъ очень мѣтко характеризуетъ то вліяніе, которое производилъ на него тотъ, или другой изъ

профессоровъ Лицея. Такъ профессоръ русской словесности, впослѣдствіи академикъ, Я. К. Гротъ, заражалъ Корфа своею высокою человѣчностію и назидательностію примѣра подъ вліяніемъ любви къ своему дѣлу. Слушая профессора исторіи Шульгина, Корфъ сталъ понимать причинность и взаимную зависимость историческихъ событій. Способные и умные профессора юридическихъ наукъ: Калмыковъ, Баршевъ, Ивановскій и Милютинъ, возбудили въ немъ жажду знаній политическихъ наукъ. Обстоятельныя лекціи Шау по исторіи англійской словесности и Бужо—по французской увлекали слушателей потому, что даровитые профессора не ограничивались разборомъ только изящныхъ произведеній съ точки зрѣнія эстетической, но старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа. Первыми серьезными и любимыми книгами, прочитанными Корфомъ въ Лицеѣ, были: «Духъ законовъ,» Монтескье, «Исторія цивилизаціи въ Европѣ,» Гизо и, запрещенныя въ то время, «Литографированныя записки по всеобщей исторіи» Лоренца. Интересно, что привилегированный лицеистъ, обыкновенно, пріобрѣталъ книги на толкучемъ рынкѣ на тѣ 5 рублей, которые ему выдавались ежемѣсячно на извозчика и перчатки, предпочитая ходить пѣшкомъ и никогда не носить перчатокъ. Эту страсть къ книгамъ поддерживалъ въ молодомъ лицеистѣ и дядя его, весьма умный и образованный директоръ публичной библіотеки, графъ М. А. Корфъ, тоже лицеистъ, въ семействѣ котораго племянникъ, обыкновенно, проводилъ праздничные дни. Сильное впечатлѣніе производило на Корфа и то, что ему случалось присутствовать при чтеніи дядей въ своей семьѣ отрывковъ изъ дневника, который онъ велъ за десятки лѣтъ и хранилъ въ величайшемъ порядкѣ. Это чтеніе, естественно, породило у Корфа желаніе послужить обще-

ству путемъ печати и самому. Съ какимъ восторгомъ вспоминаетъ Корфъ, какъ однажды онъ услышалъ изъ сосѣдней комнаты слова дяди, обращенныя къ женѣ: «вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать». Быть учителемъ и писателемъ—вотъ идеалъ, который постепенно созрѣвалъ у Корфа во время его воспитанія. Н. А. окончилъ лицей на двадцать-первомъ году съ серебряною медалью; золотой онъ былъ лишенъ за то, что попадался нѣсколько разъ въ куреніи.

Теперь оглянемся назадъ и посмотримъ, съ какими нравственными и умственными задатками вступилъ двадцати-лѣтній юноша на самостоятельный путь жизни? Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ лишенный ласкъ родной матери и родительскаго крова, принужденный для своего воспитанія вести скитальническую жизнь, Корфъ, по счастію, попадаетъ въ прекрасныя заведенія, замѣнявшія для него хотя отчасти родную семью. Нѣмка-няня научаетъ его 6 лѣтъ читать по-русски и по-нѣмецки, научаетъ его любить Бога. Семейная сельская школа Градовскаго поселяетъ въ сердцѣ дитяти безотчетную любовь къ сельской природѣ, внѣдряетъ въ юную душу мысль, что семья и школа—одно и то-же.

Здѣсь же онъ научается говорить по-французски и, играя и бѣгая, пріобрѣтаетъ первыя элементарныя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ отъ умнаго и веселаго швейцарца. Въ заведеніи Креммера Корфъ основательно изучаетъ нѣмецкій языкъ, пріучается къ нѣмецкой аккуратности, усидчивому труду, воспитывая въ себѣ духъ товарищества, уваженіе личности. Въ лицѣ А. Я. Филиппова Корфъ видитъ идеалъ русскаго педагога, профессія котораго для него стала завѣтнымъ стремленіемъ. Лицей даетъ Корфу законченное научное и юридическое образованіе и поселяетъ въ немъ любовь къ спеціальнымъ наукамъ. Отецъ не дозволяетъ сыну пренебрежительно

относиться даже къ крѣпостному человѣку и своею безупречною службою государству, составляетъ рѣдкое исключеніе.

Именитый дядя-графъ посѣваетъ въ племянникѣ страсть къ книгамъ и писательству. Прибавимъ, что, вступая въ жизнь, Корфъ въ совершенствѣ зналъ нѣмецкій, французскій и англійскій языки, которые открывали ему богатство европейской литературы. Какое блестящее и разностороннее образованіе получилъ Корфъ въ тотъ возрастъ, въ который въ наше время молодые люди едва оканчиваютъ курсъ нашихъ гимназій!

По окончаніи курса въ Лицеѣ, Корфъ, по настоянію своихъ родныхъ поступаетъ на государственную службу въ департаментъ Министерства юстиціи. Но, не смотря на то, что, въ силу своихъ родственныхъ связей и личныхъ выдающихся способностей, Николаю Александровичу улыбалась блестящая карьера, полная чиновъ и почестей, его подвижная, дѣятельная натура не могла сродниться съ мертвымъ дѣломъ канцеляріи, и онъ, чрезъ полтора года, бросаетъ службу, бросаетъ Петербургъ, и навсегда поселяется въ своемъ родовомъ имѣніи, селѣ Нескучномъ, въ Екатеринославской губерніи. Тамъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, молодой баронъ женился на дочери мѣстнаго помѣщика Маріи Михайловнѣ Клевцовой; 10 лѣтъ онъ провелъ въ Нескучномъ, изрѣдка выѣзжая за границу и посвящая все свободное время научнымъ занятіямъ, обученію и воспитанію двухъ своихъ дочерей и сельскому хозяйству. Живя въ деревнѣ, онъ выписывалъ почти всѣ русскіе газеты и журналы и важнѣйшіе изъ иностранныхъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Любимымъ его чтеніемъ были книги политическаго, философскаго и педагогическаго содержанія. Изъ русскихъ газетъ онъ предпочиталъ «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ», какъ единственныя двѣ газеты съ опредѣленнымъ направленіемъ, а изъ журналовъ,

«Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы» и «Русскую Старину».

Почти всѣ, сколько нибудь выдающіяся, сочиненія на русскомъ или иностранномъ языкахъ онъ пріобрѣталъ, составивъ такимъ образомъ весьма значительную библіотеку. У рѣдкаго русскаго помѣщика можно было встрѣтить такой кабинетъ, какой былъ у Н. А. въ Нескучномъ. Я видѣлъ этотъ кабинетъ въ 1871 году.

Не особенно большая комната, устланная коврами, посреди—громадный письменный столъ съ конторками, этажерками, весь уложенный и обставленный газетами, и журналами, кипами писемъ и рукописей; у стѣнъ шкафы съ книгами, всего два кресла и небольшой диванъ, и днемъ и вечеромъ какой-то ласкающій полусвѣтъ—все напоминало, что вы попали въ кабинетъ ученаго и литератора, а не въ барскій домъ помѣщика-степняка. Но не все время Н. А. проводилъ въ своемъ уютномъ кабинетѣ; въ точно опредѣленные часы онъ являлся въ столовую, гдѣ любилъ проводить время въ семьѣ, къ которой относился съ необыкновенно теплою любовью и трогательнымъ вниманіемъ, какъ будто недостатокъ ласки, испытанный имъ самимъ въ дѣтствѣ, хотѣлъ восполнить въ собственной семьѣ.

Двѣ его дочери своимъ образованіемъ почти исключительно были обязаны отцу. Молитвы предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, передъ сномъ и послѣ сна произносились дѣвочками въ присутствіи отца и матери. Таковымъ Корфъ былъ дома. Но подоспѣла крестьянская реформа, открылись земскія учрежденія, гласный судъ, и Корфъ выступаетъ общественнымъ дѣятелемъ, вполнѣ подготовленный десятилѣтнею работою надъ своимъ самообразованіемъ.

Съ открытіемъ земства, Александровскій уѣздъ избираетъ его гласнымъ, затѣмъ секретаремъ засѣданій и членомъ реви-

зіонной коммиссіи. Когда было введено новое судопроизводство, Николай Александровичъ былъ избранъ въ почетные мировые судьи, а затѣмъ—въ предсѣтатели мирового съѣзда. При всѣхъ своихъ назначеніяхъ Н. А. ни разу не обманулъ общественнаго довѣрія. Съ рѣдкою энергіею и твердою настойчивостью относился онъ ко всѣмъ своимъ обязанностямъ.

Съ 1867 г. Баронъ, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, выступаетъ на новое поприще—дѣятеля по народному образованію. Изучивъ школьное дѣло на родинѣ Песталоцци, Корфъ является въ этомъ дѣлѣ вполнѣ свѣдущимъ лицомъ. Это время, съ 1867-го по 1872-й годъ, было временемъ самой кипучей, неустанной и плодотворной дѣятельности Н. А. и составляетъ самую свѣтлую страницу въ его недолгой жизни.

Въ эти пять лѣтъ Корфъ открываетъ и организуетъ всѣ школы цѣлаго уѣзда; собственнымъ примѣромъ, горячимъ словомъ на земскихъ собраніяхъ и сельскихъ сходкахъ привлекаетъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ сельскія общества, земскихъ дѣятелей, помѣщиковъ, мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ. За недостаткомъ въ то время учительскихъ семинарій, онъ самъ приготовлялъ учителей и учительницъ, обративъ свой домъ какъ бы въ постоянную учительскую семинарію. Въ это же время онъ самъ объѣзжаетъ школы своего участка, ревизуетъ ихъ, даетъ примѣрные уроки, составляя громадные отчеты, полные педагогическаго интереса, расходящіеся далеко за предѣлы Александровскаго уѣзда и служащіе указаніемъ для устройства земскихъ школъ въ другихъ губерніяхъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обдумывалъ учебникъ за учебникомъ, провѣряя ихъ на практикѣ. Такъ, изъ-подъ его пера вышли: «Руководство къ обученію грамотѣ», «Русская начальная школа», «Нашъ другъ», «Малютка», «Руководство къ наглядному обученію», Гарднера (переводъ съ нѣмецкаго), и при этомъ Корфъ находилъ еще время вести

громадную переписку съ различными земскими школами и отдѣльными лицами, которыя искали у него совѣта, и указаній, и утѣшеній по разнымъ школьнымъ вопросамъ. Не довольствуясь этимъ, онъ лично посѣщалъ лучшія въ то время школы въ Россіи, элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя училища въ Харьковѣ, фабричную братьевъ Милютиныхъ, воскресную школу Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній, школу оборвышей Чертковой въ Петербургѣ, Коммисаровскую техническую школу въ Москвѣ, Новгородскую и Московскую учительскія семинаріи, подробно изучаетъ ихъ и описываетъ въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ «СПб. Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ». Впослѣдствіи всѣ эти статьи составляютъ новый томъ его сочиненій «Наше школьное дѣло», изданный въ 1873 г. Замѣчательно при этомъ, что такая лихорадочная дѣятельность Барона носила чисто филантропическій характеръ. Даже доходы съ большинства своихъ изданій онъ предоставлялъ въ пользу основанныхъ имъ школъ, не смотря на то, что собственныя дѣла его по имѣнію приходили все въ большее и большее разстройство, вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія въ сторону служенія общественному дѣлу. Печать замѣтила выдающуюся дѣятельность Корфа, педагоги стали посѣщать и описывать школы Александровскаго уѣзда; имя Н. А. Корфа стало извѣстно всей Россіи; его школы ставили въ образецъ. Но вмѣстѣ съ этою славою наступили и тяжелые дни для сельскаго педагога-помѣщика. Въ 1872 г., въ силу разныхъ интригъ, зависти и вѣяній времени, Н. А. былъ забаллотированъ крупными землевладѣльцами, а крестьянствомъ выбранъ въ гласные. Однако, утомленный непосильной работой, очутившись въ своемъ уѣздѣ одинокимъ въ полѣ воиномъ и не желая быть причиною разрушенія созданнаго дѣла, онъ

оставилъ Россію, и со всею семьею переселился въ Женеву, гдѣ прожилъ до 1880 г., занимаясь, преимущественно, образованіемъ уже подросшихъ дочерей. Но, и живя въ Женевѣ, баронъ Корфъ не бросаетъ излюбленнаго дѣла, не прекращаетъ сношеній съ Россіею, то путемъ печати, то временными поѣздками на родину. Тамъ, въ Женевѣ, онъ устраиваетъ русскую семейную школу, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха, хотя она и просуществовала, подъ его руководствомъ, лѣтъ семь. Посредствомъ русскихъ газетъ и журналовъ онъ знакомитъ русскую публику съ состояніемъ народнаго образованія на западѣ. Эти статьи въ 1879 г. были изданы отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Около этого же времени Маріупольское земство вызываетъ его изъ-за границы для руководства учительскимъ съѣздомъ.

По возвращеніи въ Россію, Н. А. не оставилъ своего любимаго дѣла. Мы снова его видимъ провѣряющимъ успѣхи въ основанныхъ имъ народныхъ училищахъ; мы видимъ его учредителемъ на Югѣ Россіи воскресныхъ повторительныхъ школъ, для которыхъ онъ составляетъ «Руководитель». Снова на столбцахъ петербургскихъ газетъ и страницахъ журналовъ появились его статьи, въ которыхъ онъ обсуждаетъ законоположенія и распоряженія по училищному дѣлу, ратуетъ за учительскія семинаріи и земскую инспекцію школъ, знакомитъ русскую публику съ закономъ объ обязательномъ обученіи во Франціи. Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его статьи: «Объ обязательномъ обученіи», «О книгѣ князя Васильчикова — «Самоуправленіе», «Вѣнская Всемірная Выставка—отдѣлъ педагогики», «Петербургскія и Московскія начальныя училища» и др. Въ іюнѣ 1883 года онъ руководитъ учительскимъ съѣздомъ Бердянскаго уѣзда, а въ сентябрѣ онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ образцоваго ре-

месленнаго училища, устроеннаго на средства землевладѣльца Екатеринославской губерніи — Гнѣдина. Кто видѣлъ его тамъ въ день открытія этого училища бодрымъ и воодушевленнымъ, кто слышалъ сказанную имъ рѣчь, полную надеждъ на будущее, тому, конечно, и въ голову не могло притти, что дни его сочтены. Преждевременная смерть его была подготовлена новымъ нравственнымъ пораженіемъ еще за годъ раньше. Со смертію извѣстнаго московскаго педагога П. Е. Басистова, въ Московской городской управѣ открылось вакантное мѣсто члена, завѣдывающаго городскими училищами. Многіе изъ гласныхъ Московской городской думы, и во главѣ ихъ Городской голова, г. Чичеринъ, пригласили Корфа баллотироваться на эту должность, и для этого даже вызвали его въ Москву; но Корфъ самъ отказался отъ своей кандидатуры, «чтобы не вносить раздора въ московское городское общество», какъ выразился Баронъ въ своемъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что нашлись вліятельныя газеты—одна московская и одна петербургская, которыя осудили кандидатуру Корфа, незаслуженно оклеветали всю его прошлую дѣятельность, его завѣтныя убѣжденія. «Безбожникъ», «врагъ духовенства», «утилитаристъ», «нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель нѣмецкой педагогіи», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія»,—вотъ какіе эпитеты посыпались на голову того человѣка, у котораго Евангеліе было настольною книгою, который и самъ получилъ строго религіозное воспитаніе и построилъ воспитаніе своихъ дѣтей на религіозныхъ началахъ, который всегда считалъ русскую народную школу немыслимою безъ Закона Божія и славянскаго языка. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ и оцѣнку мнѣній враговъ и друзей дѣятельности барона Корфа, но мы находимъ справедливымъ привести слѣдующее мѣсто изъ письма извѣстнаго земскаго дѣятеля, глас-

наго А. И. Кошелева, которое было прочтено въ засѣданіи Московской думы 26-го октября: «Зная барона Корфа лично, зная его изданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ — человѣкъ отмѣнно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій, и искренній православный христіанинъ». А самъ Корфъ послѣ бури, произведенной его кандидатурой, заканчиваетъ свою статью словами: «Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной *развивающей* школы, такъ какъ желаю людей, *сознательно* преданныхъ ученію Христову, *сознательно* относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему міру и *сознательно* любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школу, то любите молодежь: это будущее Россіи». Таковы были послѣднія слова покойнаго педагога-филантропа. Черезъ годъ его уже не стало.

Н. А. баронъ Корфъ скончался тамъ же, гдѣ и родился,— въ Харьковѣ, 13-го ноября 1883 года, на рукахъ нѣжнолюбимой супруги, по опредѣленію врачей, отъ совершеннаго истощенія жизненныхъ силъ; а 15-го ноября состоялись его скромныя похороны. Крышку гроба впереди несли учительницы, гробъ, — поперемѣнно, студенты и народные учителя; сопровождали гробъ тоже учащая и учащаяся братія. На гробъ покойнаго было возложено шесть вѣнковъ съ надписями: «Организатору новой русской народной школы», «Незабвенному педагогу-труженнику», «Учителю народа», «Педагогу—борцу за просвѣщеніе», «Отъ студентовъ», «Отъ одной изъ учительницъ». На кладбищѣ одною изъ учительницъ народной шко-

лы сказано было прочувствованное слово, которое мы приводимъ дословно, какъ лучшую характеристику безвременно угасшаго русскаго педагога-земца.

«Велика та скорбь, которую вноситъ въ семью смерть любимаго человѣка! Но бываетъ смерть, которая разливаетъ скорбь, переходящую за предѣлы семьи и охватывающую всѣхъ, кто былъ знакомъ съ нравственнымъ обликомъ покойнаго, на комъ дѣятельность его отразилась лучомъ свѣта и тепла. Такую скорбь вноситъ въ нашу душу смерть Н. А.! Создатель и оберегатель новой русской народной школы, онъ всю жизнь посвятилъ ей; и всякъ, кто сочувствовалъ дѣлу народнаго образованія, находилъ въ немъ нравственную поддержку, дружескій совѣтъ, слово ободренія.

Полный любви къ людямъ и вѣры въ лучшее будущее, онъ согрѣвалъ этою любовью, вносилъ эту вѣру въ сердца всѣхъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ. И мы, собравшіяся здѣсь учительницы народной школы,—мы, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, какъ считалъ своимъ другомъ каждаго, кто работалъ съ нимъ на одномъ поприщѣ, мы не можемъ не вспомнить при этомъ послѣднемъ, нерадостномъ свиданіи нашемъ, какимъ любящимъ наставникомъ и другомъ онъ былъ для насъ, какую бодрость и энергію умѣлъ вдохнуть въ насъ при каждомъ свиданіи, какъ умѣлъ пробуждать новыя силы на дальнѣйшій трудъ. И на нашу же долю выпало горькое утѣшеніе привѣтствовать его въ послѣдній разъ среди нашего кружка, проводить его въ послѣдній, далекій путь, съ котораго онъ уже не вернется къ намъ, не скажетъ намъ своего дружескаго, ободрящаго слова. Но, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, онъ оставилъ намъ свое завѣщаніе — высоко держать знамя народнаго образованія, знамя, на которомъ начертано: любовь къ людямъ, трудъ и вѣра въ благотворные результаты этого святого труда. Завѣщаніе не длин-

ное, но полное глубокаго смысла, и мы сохранимъ этотъ завѣтъ! Прощай же, дорогой учитель нашъ, учитель русскаго народа! За свѣтъ, который ты вносилъ въ нашу жизнь, пусть память твоя будетъ окружена ореоломъ свѣта до тѣхъ поръ, пока существуетъ народная школа, пока любовь къ людямъ и вѣра въ добро и правду будутъ находить отголосокъ въ нашихъ сердцахъ».

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы старались обрисовать почтенную личность барона Корфа такою, какою она намъ представляется по собственнымъ его воспоминаніямъ, по его сочиненіямъ, по результатамъ его практической дѣятельности, по личнымъ наблюденіямъ, по мнѣніямъ его литературныхъ враговъ и друзей, — и не можемъ не притти къ заключенію, что Н. А. принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, дѣла которыхъ познаются лишь послѣ смерти.

Даже газеты и журналы, враждебно относившіеся къ Корфу при жизни, почтили память его сочувственными статьями, признали его заслуги на поприщѣ народнаго образованія. При жизни же одни игнорировали энергическій голосъ этого дѣятеля, другіе клеветали на него, врываясь даже въ его безупречную домашнюю семейную жизнь, пускаясь даже въ разсчеты его годовыхъ доходовъ... И если бы не публицистическое дарованіе этого человѣка, русское общество и не знало бы, какого даровитаго, честнаго и преданнаго дѣлу общественнаго дѣятеля имѣло оно въ лицѣ барона Н. А. Корфа. Переходя теперь къ ближайшимъ результатамъ собственно педагогической 16-ти-лѣтней дѣятельности покойнаго педагога, мы видимъ въ ней три рѣзко очерченные періода.

Районъ перваго періода дѣятельноети, обнимающій собою пять лѣтъ (1866 — 1872), ограничивается преимущественно предѣлами родного уѣзда; второй періодъ (1872 — 1880) принадлежитъ жизни въ Женевѣ, когда Корфъ занимается тео-

ретической разработкой педагогическихъ и соціальныхъ вопросовъ, изучая положеніе школьнаго дѣла въ Западной Европѣ, въ третій періодъ (1880—1883 г.) Корфъ, умудренный опытомъ и обогащенный пріобрѣтенными за границею знаніями, провѣряетъ на югѣ результаты народной школы, и трудится надъ разработкою вопросовъ, имѣющихъ обще-государственное значеніе, каковы вопросы о школьныхъ законахъ, объ обязательномъ обученіи, объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, и т. д.

Здѣсь мы остановимся лишь на характеристикѣ перваго періода дѣятельности Барона, какъ самой рельефной, и, по своимъ послѣдствіямъ, наиболѣе плодотворной. Первыя извѣстія о школахъ, основанныхъ и организованныхъ Корфомъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, стали проникать въ печать и публику, благодаря обстоятельнымъ и подробнымъ отчетамъ самого ихъ основателя; но отчеты эти могли быть заподозрѣны въ пристрастіи и самовосхваленіи,—и вотъ начинаютъ появляться въ печати описанія школъ, составленныя посторонними людьми, на мѣстѣ ихъ изучившими. Почти одновременно русская публика ознакомилась съ устройствомъ школъ Александровскаго уѣзда по статьямъ г. Кашина, напечатаннымъ въ «Современной Лѣтописи» (1871 г. № 1 и 2), выходившей въ то время ввидѣ воскресныхъ прибавленій къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», подъ заглавіемъ: «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу,» и по письмамъ автора настоящей біографіи, появившимся на страницахъ «Народной Школы» за 1871 и 1872 года, озаглавленнымъ— «Педагогическіе очерки школъ Александровскаго уѣзда». *) Хотя прошло

*) Г. Кашинъ былъ командированъ для осмотра школъ предсѣдателемъ Московскаго комитета грамотности, а директоръ Куб. учит. сем. Д. Д. Семеновъ—попечителемъ Кав. учеб. окр., Я. М. Невѣровымъ.

тому около 15-ти лѣтъ, но я живо припоминаю первую встрѣчу мою съ Н. А. Отыскивая школы въ уѣздѣ, въ апрѣлѣ 71-го года, по грязнымъ до-нельзя дорогамъ, я случайно попалъ въ село Маіорское, гдѣ ждали пріѣзда Барона для ревизіи школы. Тутъ я встрѣтилъ уже попечителя школы, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, мирового посредника, члена училищнаго совѣта, заѣзжаго учителя изъ Харькова, священника и учителя школы; возлѣ школы толпились крестьяне. Наружность школы не многимъ отличалась отъ малороссійской хаты зажиточнаго крестьянина: та же бѣлая мазанка, та же соломенная крыша; но школа стояла особнякомъ на холмѣ; возлѣ школы небольшой садикъ, обработанный учителемъ и учениками. Внутренность школы поражала по-истинѣ праздничнымъ видомъ. Стѣны и потолокъ были выбѣлены; глиняный полъ чистъ и политъ водою во избѣжаніе пыли; по стѣнамъ развѣшаны картины, преимущественно, изъ Священной исторіи; въ углу — образъ; на передней стѣнѣ — портретъ Государя и часы; на столѣ разложены тетради и рисунки дѣтей; дѣти сидѣли чинно, въ ожиданіи Н. А.; всѣ они были умыты и гладко причесаны, въ чистыхъ рубашкахъ или свиткахъ, и всѣ въ сапогахъ; предъ каждымъ ученикомъ лежало новое перо и поллиста бѣлой бумаги. Подобную обстановку школы я видѣлъ потомъ и въ другихъ школахъ, гдѣ и не ожидали ревизора. Но вотъ пробило 2 часа, — время, назначенное Корфомъ для пріѣзда. Вдали послышался колокольчикъ; всѣ встрепенулись; пріѣхалъ Н. А., усталый, изнуренный, обрызганный грязью; въ простой телѣгѣ, на обывательской тройкѣ, объѣздившій безъ отдыха почти всѣ школы своего участка, и уже утромъ успѣвшій обревизовать одну школу. Въ какія нибудь 5 — 10 мин. Н. А. успѣлъ наскоро перекусить, привести себя въ порядокъ, и вошелъ въ школу бодрымъ и свѣжимъ. Вошли въ школу и отцы. На привѣтствіе Корфа: «здравствуйте, хлопцы»,

дѣти радостно закричали: «здравствуйте и вы, Николай Александровичъ»! Видно было, что дѣти хорошо знаютъ своего гостя. Послѣ привѣтствія дѣти согласно пропѣли молитву «Достойно есть». Въ этомъ пѣніи участвовали священникъ, учитель и самъ Н. А. Затѣмъ начался экзаменъ, который продолжался три часа. Самъ Н. А. изложилъ дѣтямъ разсказъ для письменной работы, самъ спрашивалъ по всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и славянскаго чтенія, самъ пересмотрѣлъ всѣ письменныя работы дѣтей, ихъ тетради и рисунки и, найдя все въ порядкѣ, присудилъ учителю высшую награду отъ земства, въ 100 р. Что чувствовали отцы, видя и слыша все это,—рѣшить не трудно. А видѣли и слышали они, что дѣти ихъ въ какія-нибудь три зимы научились молиться Богу, толково передавали разсказы изъ Священной исторіи, бойко читали по-русски и славянски, умѣли грамотно написать слышанное, рѣшали задачи, надъ которыми задумывались отцы, да еще умѣли начертить планъ хаты, мельницы, разбить поле на десятины; знали и о полезныхъ и вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеніяхъ. И таковы были всѣ 70 школъ уѣзда. Не то было до Корфа. «Когда въ апрѣлѣ 1867-го года, — пишетъ Кашинъ, — училищный совѣтъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то школъ приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ же, хоть немного сносныхъ—только двѣ! При объѣздѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посѣщавшій ее шестой годъ, но невыучившійся совсѣмъ читать по-русски и плохо читающій по церковно-славянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей —изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ читали. На одну школу въ теченіе 13-ти лѣтъ

истрачено 4000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только пять человѣкъ, такъ что каждый грамотный обошелся въ 800 руб. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ, и вѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ея и съ фонаремъ не отыщешь». Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи барона Корфа въ члены училищнаго совѣта. Вмѣсто двухъ сносныхъ школъ, въ уѣздѣ открывается до 70 прочно организованныхъ, обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, съ приспособленными къ ученію школьными зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими учебниками, наглядными пособіями, библіотеками и книжными складами. Сельскія общества добровольно облагаютъ себя школьнымъ налогомъ отъ 15 к. до 46 к. съ каждой ревизской души; мѣстные помѣщики охотно становятся попечителями школъ, не жалѣя ни своего нравственнаго вліянія, ни денежныхъ жертвъ; члены училищнаго совѣта объѣзжаютъ школы по два раза въ годъ, ревизуя школы, производя экзамены и составляя отчеты; всѣ земскіе дѣятели принимаютъ горячее участіе въ школьномъ дѣлѣ, — кто своимъ вліяніемъ, кто словомъ, кто общественнымъ положеніемъ; училищный совѣтъ, въ началѣ не имѣвшій ни копейки денегъ, 1871 году имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи около 25,000 р. Центромъ, иниціаторомъ, душою такого небывалаго движенія въ уѣздѣ въ пользу народной школы становится Н. А. Корфъ. Вокругъ него группируются всѣ лучшіе люди уѣзда. Вполнѣ понимая незатѣйливыя потребности русскаго крестьянина, особенныя экономическія условія его быта, Корфъ сознаетъ, что цѣликомъ пересаживать на русскую почву нѣмецкой школы нельзя, и создаетъ для русскаго крестьянина *дешевую* и *кратковременную* школу.

Содержаніе каждой школы обходится у него среднимъ числомъ въ 340 р., обученіе каждаго мальчика въ 8 руб. 66 к.;

дѣти учатся не болѣе трехъ зимъ, такъ какъ весною, осенью и лѣтомъ каждый ребенокъ уже нуженъ семьѣ; одинъ учитель ведетъ одновременно три отдѣленія школы, въ одной классной комнатѣ. Корфъ смотрѣлъ на школу не только, какъ на мѣсто ученія и воспитанія подростающаго поколѣнія крестьянъ, но и какъ на звено, связующее крестьянина съ помѣщикомъ, какъ на единственное разумное средство, могущее примирить бывшаго господина-крѣпостника съ свободнымъ человѣкомъ-крестьяниномъ. Вотъ почему Корфъ привлекаетъ и помѣщика въ качествѣ попечителя школы. Но гдѣ взять педагогически подготовленныхъ учителей, соотвѣтственныхъ съ потребностями новой школы руководствъ и учебниковъ? Вѣдь тѣхъ и другихъ въ то время почти не было! Но Корфъ не останавливается и предъ такими, повидимому, неодолимыми одному человѣку затрудненіями. Онъ созываетъ съ разныхъ концовъ Россіи способныхъ молодыхъ людей, устраиваетъ для нихъ учительскіе съѣзды, самъ знакомитъ ихъ съ легчайшими педагогическими пріемами обученія, самъ даетъ для нихъ образцовые пробные уроки въ школѣ, радушно открывая собственный домъ для учителей, составляетъ точныя и подробныя программы, печатаетъ «Руководство для обученія грамотѣ», «Русскую начальную школу» и «Нашъ другъ».

Первая книга знакомитъ учителя съ звуковымъ способомъ обученія грамотѣ, какъ наиболѣе пригоднымъ въ нашей народной школѣ, гдѣ требуется обучить дѣтей грамотѣ въ два, три мѣсяца. «Русская начальная школа» обсуждаетъ народное школьное дѣло со всѣхъ сторонъ: административной, педагогической и финансовой, почему она и стала настольною книгою для каждаго дѣятеля по народному образованію, для каждаго народнаго учителя. Наконецъ, «Нашъ другъ» заключаетъ въ себѣ тотъ кругъ реальныхъ свѣдѣній, которыя необходимы всякому грамотному крестьянину. Къ этому же пе-

ріоду по истинѣ изумительной дѣятельности барона Корфа относятся и его статьи о различныхъ лучшихъ школахъ Россіи («Наше школьное дѣло») и его частная обширная переписка, изъ которой приводимъ только двѣ выдержки, обрисовывающія педагогическіе взгляды Корфа, его завѣтныя убѣжденія относительно призванія и самообразованія народнаго учителя.

«Вѣдь наша наука бѣдовая! — пишетъ баронъ Корфъ къ Х. Д. Алчевской, извѣстной дѣятельницѣ по народному образованію въ Харьковѣ. Представьте себѣ ученика, который чрезвычайно отчетливо подписываетъ одно число подъ другимъ, подчеркиваетъ и пр., для того, чтобы сдѣлать сложеніе. На всякій вопросъ, почему онъ такъ поступаетъ, онъ молчитъ. Вы говорите, что онъ дѣйствуетъ механически, что дѣйствія его не осмысленны. Въ такомъ положеніи, какъ этотъ ученикъ, тотъ преподаватель, который, не зная законовъ физической и психической жизни человѣка, примѣняетъ хотя бы самые раціональные методы обученія. Если вы спросите его, почему онъ, обучая ариѳметикѣ, начинаетъ съ именованныхъ чиселъ, а не съ отвлеченныхъ, онъ не объяснитъ вамъ этого законами душевной жизни. Спросите преподавателя, который не думалъ надъ человѣкомъ и не изучалъ его, а изучалъ только методы обученія, для чего онъ ставитъ наводящіе вопросы, вмѣсто того, чтобы разсказывать,—и онъ вамъ не отвѣтитъ. Чуть же явится въ школѣ новое обстоятельство, непредвидѣнное книгою, побудившее этого мастера обученія замѣнить кремневое ружье скорострѣльнымъ, и этотъ учитель не попадетъ въ цѣль, смутится и станетъ въ тупикъ. Я хочу сказать, что только тотъ изъ насъ педагоговъ способенъ къ совершенствованію, къ вполнѣ основательному обученію, кто не довольствуется изученіемъ методики, а смотритъ глубже. Методика—результатъ, это ручей чистой воды;

добраться же нужно до самаго ключа, который въ физіологіи и психологіи, въ антропологіи и педагогіи, въ исторіи нашей науки». Въ другомъ письмѣ баронъ Корфъ писалъ: «Отрадно видѣть, что вы понимаете свое служеніе школѣ не только въ смыслѣ исправнаго преподаванія уроковъ по воскресеньямъ *), но въ смыслѣ пропаганды святого дѣла народнаго просвѣщенія всегда и вездѣ. Умоляю васъ объ одномъ: не оставляйте того пути самообученія, на который васъ вывела ваша общественная дѣятельность, и помните, что, рядомъ съ любовью къ дѣлу, неизбѣжно долженъ стоять не менѣе сильный рычагъ—знаніе дѣла, для того, чтобы дѣло шло; знаніе же—такая странная штука, что, чѣмъ больше мы учимся, тѣмъ болѣе сознаемъ свое невѣжество. Такимъ образомъ, выходимъ мы на путь непрестаннаго самосовершенствованія, и это отражается на школѣ непрерывнымъ ея усовершенствованіемъ. Школа, въ которой нѣтъ непрерывнаго творчества,—мертвый организмъ; только преподаватель, работающій надъ собою, въ состояніи вдохнуть въ него жизнь... Пока вы будете работать надъ собою, школа ваша будетъ расти, и ростъ этотъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока вы сами не перестанете учиться!!..»

Такія искреннія, такія глубоко-прочувствованныя и зрѣлообдуманныя мысли можетъ говорить и писать только тотъ человѣкъ, кто на себѣ самомъ испыталъ всю глубину и пользу самообученія,—кто, подобно Корфу, обрекъ лучшіе годы своей жизни на служеніе святому дѣлу народнаго образованія. Не удивительно поэтому, что заразительный примѣръ самого Корфа увлекъ не одну сотню лучшихъ русскихъ лю-

*) Х. Д. Алчевская извѣстна не только, какъ руководительница воскресной школы въ Харьковѣ, но и какъ основательница школы въ с. Алексѣевкѣ, и какъ одна изъ главныхъ сотрудницъ прекраснаго труда «Что читать народу?»

дей къ подражанію его филантропическо-педагогической дѣятельности. Не удивительно и то, что по типу школъ Александровскаго уѣзда создались у насъ всѣ земскія школы, и что Корфъ, по справедливости, можетъ считаться отцомъ русской народной школы.

Д. Семеновъ.

Гос. Историч. Музей. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
« ..... 193 г.

Москва. Дозволено Цензурою, Октября 25 дня, 1886 года.

Немировичъ-Данченко В. И. — *За Дунаемъ*, очерки и разсказы. Цѣна въ папкѣ, 75 к.

„ „ *Махмуткины дѣти*, разсказъ. Ц. 10 к.

„ „ *Забытый рудникъ*; разсказъ. Ц. 15 к.

„ „ *Другъ за друга*; ц. 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к.

Острогорскій В. П. — *Выразительное чтеніе.* Изд. 2-е, 1886 года, ц. 75 к.

„ „ *Бесѣды о преподаваніи словесности.* Изд. 2-е. 1886 г. цѣна 80 к.

„ „ *Русскіе писатели*, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятія съ дѣтьми и для чтенія народу. Изд. 2-е, 1885 г., ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій В. П. и Семеновъ Д. Д.—Русскіе педагогическіе дѣятели: А. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ. 1887 г., ц. 75 к.

Овчинниковъ *Тетрадь для упражненій въ чтеніи рукописей.* Изд. 3-е, 1887 г., цѣна 30 к.

Пшеничниковъ — Свящ. *Объясненіе Богослуженія*; рукв. для городскихъ и сельскихъ школъ. 1886 г., ц. 20 к.

Потѣхинъ А.—*Крестьянскія дѣти*. Ц. въ папкѣ. 1 р. 50 к.

Подвижная азбука: въ листахъ:—4 листа печатнаго шрифта, цыфры и знаки препин., ц. 20 к. Въ коробкахъ:—разрѣзн. и наклеен. на картонѣ—цѣна 60 к. и 1 р.

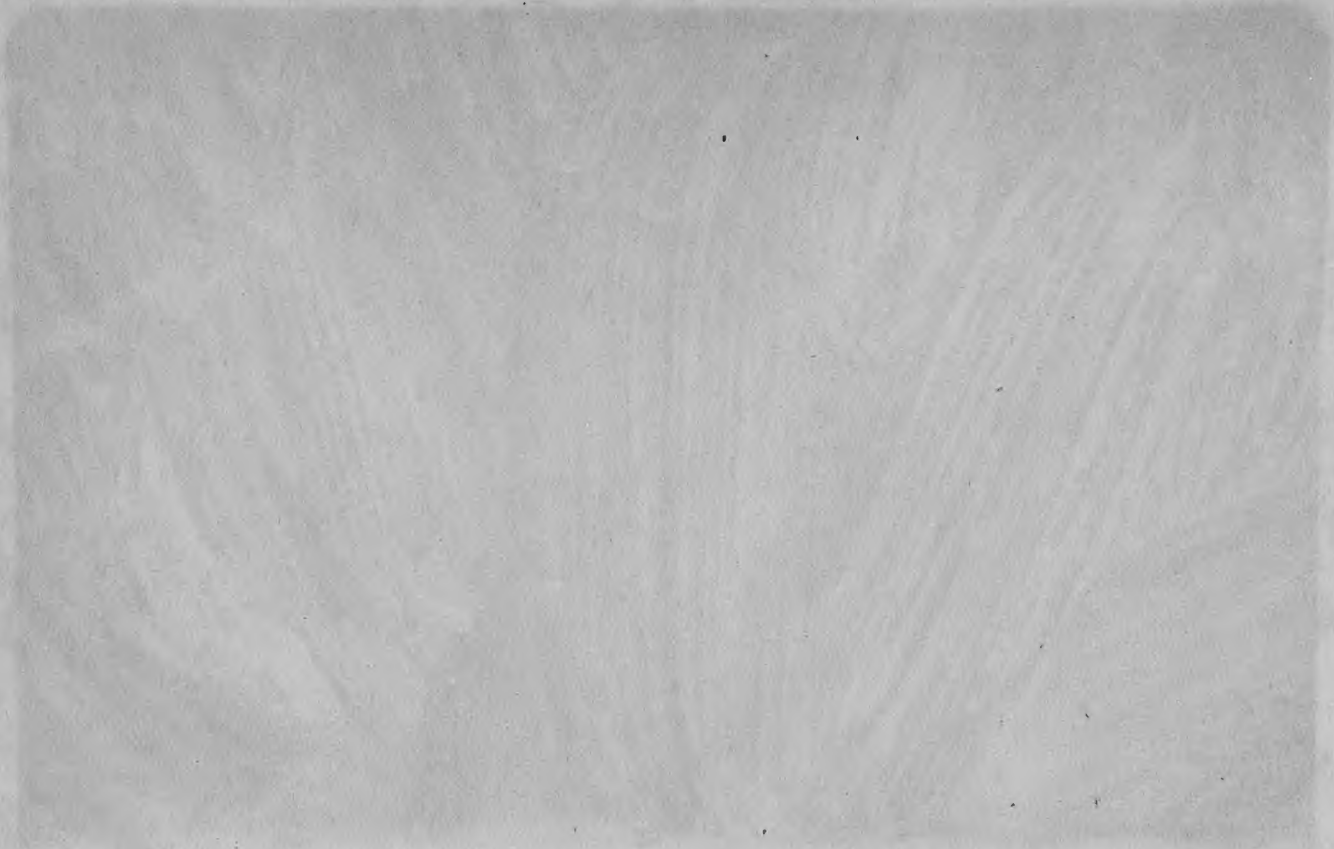
Романовъ—*Этимологія русс. языка*, руков. для городскихъ училищъ и первыхъ классовъ средн. учебн. завед. Изд. 2-е. 1885 г., ц. 40 к.

Русскія народныя сказки. Ц. 60 к., въ папкѣ 1 р.

Семеновъ Д.—*Рождественская елка* въ живыхъ картинахъ, сценахъ, пѣсняхъ и играхъ. 1887 г., ц. 1 р. 25 к.

Сорокинъ В. М. О сельскомъ волостномъ управленіи и новыя правила о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ; о наймѣ сельскихъ рабочихъ; о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ. 1887 г., 50 к.

Цѣны обозначены безъ пересылки. За пересылку прибавлять 10 к. на рубль.

Учебный магазинъ „НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА“ всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой запасъ учебныхъ народныхъ, дѣтскихъ и педагогическихъ *книгъ, пособій и письменныхъ принадлежностей.*

Цѣна 75 коп.